

БОРИС

БАБКИН

УБИТЬ
ЛЮДОЕДА

Борис Николаевич Бабкин

Убить людоеда

*Текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169954
Убить людоеда: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-043474-9, 978-5-9713-8192-1*

Аннотация

«Тайга – закон, медведь – хозяин...» – говорят на Севере.

С жестоким «законом тайги» предстоит вступить в единоборство чудом уцелевшей во время крушения вертолета москвичке Ирине и сбежавшему из-за колючей проволоки ээку Ивану.

Снова и снова Иван спасает свою случайную спутницу от верной гибели.

Снова и снова приходится Ирине задавать себе вопрос: может ли она доверять человеку, на совести которого – несколько чудовищных преступлений?

А между тем милиция и войска уже прочесывают тайгу в поисках беглеца, и вскоре уже от Ирины будет зависеть – жить или умереть ее спасителю...

Борис Николаевич Бабкин

Убить людоеда

Якутия

Оставляя в сугробах глубокие борозды, которые почти сразу засыпал снег, по пологому склону с трудом поднимались люди. Первый, опередив спутников, вытянул руки в обледеневших ватных рукавицах, ухватился за ствол дерева и замер. Стараясь не потерять его из виду, мужчина, облепленный снегом, подтягивая еле двигающегося человека, приподнялся и быстро, проваливаясь по пояс в снег, прошел метра два. Тут же вернулся и, подхватив неподвижно лежащего третьего, потащил по протоптанному им следу. Обессиленно осел.

– Снег валит... Наверх поднимаемся, удобнее будет, – прошептал он и, ухватив лежащего, с трудом потащил его дальше. Сквозь пелену метели увидел выступающий из снега камень. – Сейчас переждем, – прохрипел он.

Первый, жадно глотая снег, поперхнулся. Его за плечи ухватил второй.

– Там камни, – сказал он, – я нашел углубление, развел костер, давай за мной.

– Есть хочу, – пробормотал первый. – Жрать... Мы умрем... – Он уткнулся лицом в снег.

Медвежий Угол

– Снег будет идти еще по крайней мере сутки! – прокричал на ухо пожилому мужчине в длинной шубе майор милиции. – Ни черта не видно, только людей угробим. Пока погода не установится, нет смысла...

– Но они погибнут! – резко перебил его пожилой.

– Они уже почти наверняка мертвы. Две недели без еды на морозе, к тому же мы видели стаю волков. Я не буду рисковать людьми.

– Майор прав, – согласился плотный подполковник. – Все равно их не найдем, а людей угробим. И так у меня уже трое помороженных.

– Кто там был? – спросил пожилой.

– Неизвестно, – ответил майор. – На вертолете летели восемь человек, пять трупов найдено. Мы искали вашу дочь с ее мужем. Но, оказывается, там был еще один мужчина. Кто он, неизвестно, о нем сообщил проводник, но...

– Узнайте у него, кто такой? – перебил пожилой.

– Он не знает, – ответил милиционер. – Но попытаемся выяснить.

Сопки

Взвизгнув, нож вошел в лохматый бок, и волк рухнул на снег; тут же вскочив, зверь попытался достать рану зубами и снова упал. Человек, левый рукав которого был порван и

окровавлен, прыгнул к волку. С лета ударил зверя ножом в шею, но волк ушел от прямого удара. Прыгнув вперед, он упал, но тут же вскочил и бросился в заросли.

– Ты как? – спросил бородач. Лежащий не отвечал. Бородач привстал и увидел расползавшуюся под его головой кровь. Он подошел ближе и, покачав головой, выматерился. Черпанул снег, пропитанный волчьей кровью, подошел к лежащему в пещерке за валуном, в которой горел костер, присел и поднес окровавленный снег к бледным губам человека.

Медвежий Угол

– Мы прочесали весь тот район, – доложил майор милиции, – куда могли уйти за это время люди, но ничего не нашли. Может, где-то под снегом лежат.

– Продолжайте поиск, – попросил пожилой, – ради всего святого. Ведь это дочь моя и зять. Что я внучке скажу? – Он тяжело вздохнул.

– Синоптики говорят, еще пару дней точно снег валить будет, – произнес майор. – И вот что еще, Андрей Васильевич... – Он достал пачку сигарет. Андрей Васильевич увидел, что пальцы его дрожат.

– Не тяни кота за хвост, – вздохнул он. – Кто третий?

– Вероятно, беглый уголовник. Шестнадцать дней назад с «пятерки», то есть из колонии строгого режима, сумел уйти Иван Афанасьевич Денов тридцати пяти лет. Осужден на шесть лет за избиение участкового. Первый раз судим по ма-

лолетке, тоже за драку. Потом год получил в четырнадцать лет. И к тому же он из этих, староверов, что ли. Так вот, отец его, Афанасий Денов, тот еще зверюга был. Ну и сына учил тому же, разговоры об этом ходили. Сами знаете, эти места глухие, и население в основном кочевое. Деновы в таежном поселке жили, на перепутье, так сказать, где сходятся границы Красноярского края, Таймырского округа и Якутии. Там и живут старообрядцы. В общем, Денова-старшего Людоедом прозвали. Он сидел и зимой бежал. В этих местах побег зимой – верная смерть. Но не для такого, как Денов. Он с собой взял молодого зэка и, похоже, питался им, пока до своих не дошел. Потом его поймали, но не смогли ему доказать даже убийства подельника. Понимаете, к чему я это говорю? Афанасий с Иваном на охоте были и вышли на лед, тюленя убить хотели или медведя белого. А лед треснул, их и унесло. Мужик с ними был. Их нашли через десять дней. Еды при них не было, но оба живы-здоровы. А третьего нет. Утонул, сказали. Вот так. Я к тому, что Иван Денов... – Майор замолчал.

– Удружил, Лосин, – проворчал офицер внутренних войск, – успокоил ты его.

– Найдите их, – умоляюще проговорил Андрей Васильевич. – Я никаких денег не пожалею. Хоть тела найдите, чтоб похоронить.

– Знать бы, куда именно они двинулись, – посмотрел на карту офицер внутренних войск. – Могли и на восток дви-

нуться, и на юг. А в этих районах населенные пункты отстоят друг от друга на пятьсот километров. Можно на охотников наткнуться или на оленеводов. Хотя в такую погоду вряд ли кто им встретится. Конечно, если Денов с ними, то шансов остаться живыми у них практически нет... Хотя Денов не дурак, чтоб на двойное убийство идти. Если он их не довел до людей дня за три-четыре, то вероятность того, что они живы, мала, ничтожно мала.

Сопки

– Вроде замерзла, – проговорил бородач и, вытащив нож, начал срезать мышечную ткань с отрубленной по локоть человеческой руки. Посмотрел в сторону неподвижно лежащего человека в натянутой поверх одежды окровавленной шубы. – К ребенку тебе надо, – прошептал он, – а значит, придется выживать.

– Хватит! – прокричал мужчина с заснеженной густой бородой. – Не видать ни хрена! Возвращаемся!
Трое мужчин на лыжах повернули назад.

– Давай-ка поешь, – сказал бородач, опуская измельченное вареное мясо в приоткрытый рот лежащего человека. – Тебе к ребенку возвращаться надо. – Застонав, лежащий человек инстинктивно проглотил еду. – Вот и хорошо, – кивнул бородач.

Поселок Выселки

– И какого хрена вы тут дожидаетесь? – войдя в большую комнату, насмешливо спросил кряжистый седобородый старик. – Али Ваньку-то за дурака держите? Вот он, пришел родителей навестить. Что-то вообще у вас дела плохи стали – из лагерей бегут и бегут. Наука вона какая, а зэка устеречь нет возможности. Али часового подкупил Иван-то? – Он подмигнул сидевшему у окна милиционеру с автоматом. В комнате находились еще четверо.

– Слушай, Афанасий Семенович, – недовольно посмотрел на него старший лейтенант, – ты бы не пил кровь. Думаешь, нам тут сидеть нравится? К тому же у тебя. За чай и то требуешь плату.

– А чего это я вас бесплатно угощать стану, – усмехнулся тот. – Вы государству служите, оно вас тут в засаду посадило, вот и пушай деньги дает. А уж меня извините, товарищи дорогие! Наладить, понятное дело, я вас не могу, но и кормить не намерен. Все ж сына моего в засаде ждете. Только ничего вы тут не высидите. Ванька домой не заявится. Тайга большая, и он знает, где и что взять.

– Афанасий! – раздался с улицы женский голос. – Поди-ка сюда, нужен ты.

– Иду, Тамара! – Старик вышел.

Старший лейтенант припал к окну. Афанасий стоял около пожилой женщины в наброшенном на плечи тулупе, а потом

быстро пошел в соседний дом.

– Что-то ему про Ваньку сказали, – уверенно проговорил старлей.

– Да увидели бы от Совиных, если б кто подходил, – отозвался капитан. – Там трое наших сидят. Иван хищник, и если он угробил двоих попутчиков, то наверняка придет вооруженный и руки не поднимет. А вот почему он бежал? Два года отсидел, осталось четыре, и нате вам. Я и не поверил, когда узнал. Если бы вертолет не разбился, он бы уже где-нибудь... Демократия, вертолеты частные!.. Деньги имеешь – все можно. Поэтому и бьются. Во-первых, в технике не разбираются, во-вторых, наверняка вертушка старая, вот и рухнула. Да если бы не отец одной из пассажирок, так бы и не знали о том, что люди погибли. Потом, конечно, выяснилось бы, но гораздо позже. Какой-то новый русский своих друзей на побережье оттащил. А там, чтоб не порожняком возвращаться, людишек набрал. И рухнул. Вот так и живем, за свою смерть и то платить приходится.

– А самолетов сколько падает, – сказал третий милиционер. – И все сейчас на износ работает. Все желают деньги большие зарабатывать, а вкладывать ничего не хотят.

– А ты откуда знаешь? – Афанасий пристально посмотрел на сидевшего за столом с кружкой горячего чая небритого мужчину.

– Сами понимаете, как все узнается. Он с бабой какой-то и

ее мужиком сейчас где-то в районе Пьяного Медведя. Менты поиск прекратили, пурга там метет дай Боже! Охотников подключили из бригады Сивого, но и те возвернулись, замечает страсть как...

– А вертолет, значит, того-самого? – спросил Афанасий.

– Да. Он в камни врезался на Оленьей сопке.

– И что? Цела машина-то?

– Да нет, сгорела. Не сразу полыхнула, а чуть погодя. Трое успели уйти – баба с мужиком и Ванюха. А бабу с зятем мужик какой-то ждал. Хрен его знает где, но он кипиш и поднял. Вертолет из Медвежьего угла взлетел. Лихо Ванюха ментам кукиш показал. Они его на побережье ждут, а он в сопки подался.

– Значит, живой остался, – проворчал отец беглеца. Стоящая у двери женщина всхлипнула. – А ты не разводи влагу-то, Тамарка, жив Ванька, и то хорошо.

– Да чего ж хорошего-то? – ответила она. – Как зверя его ловят. А ведь это ты его таким сделал, Афанасий, когда его в интернат...

– Цыц, баба! Какой есть, такой и есть. Сама знаешь, что не виновен он ни в первый раз был, когда ему год за сынков директора прииска и начальника милиции дали, и сейчас ни за хрен срок получил. Все говорили, что Торovy сами на него бросились по пьяному делу. Но они менты, а значит, правды там никакой нету. Сбег он сама знаешь почему. Натка, эта лисица бешеная, кукушка, едрена вошь!.. Вот Ванька и

решил что-то для дитя сделать, иначе на кой хрен он убежал бы?...

– А мы что, – всхлипнула женщина, – чужие али злыдни какие? Неужто не...

– Сам желает удостовериться, – перебил ее муж, – или этой шалаве башку свертеть. Наша кровь, деновская.

– И чего ж ты так доволен-то? – рассердилась она. – Сына потеряли.

– Цыц, баба, – привычно одернул ее Афанасий и посмотрел на допивавшего чай небритого. – Вот что, Егор, возьми-ка кого-нибудь в спутники и отправляйся в те места, в район Чистой воды, к избушке. Ванька должен там объявиться. Помнишь, два года назад ходили за оленями к Якуту?

– Помню, Афанасий Семенович, – кивнул Егор. – С собой возьму Сашку Латыша, он мужик нормальный.

– Тамара, – приказал Афанасий, – снаряди мужиков. И что-то из одежды для Ваньки дай. Денег, сколь имеется. И ружьишко ему там оставьте. Но ежели кто прознает, – старик ухватил Егора за ворот и поддернул его к себе, – я тебе внутренности выверну и жрать заставлю.

– Ну это ты зря, Афанасий Семенович, – обиделся мужик. – Неуж я такой...

– Уходи, как и заявился, чтоб не заприметили тебя...

– Не тревожься, Афанасий Семеныч, – усмехнулся Егор. – Я словно невидимка. Вот бы шапку такую достать. Не жизнь, а малина сплошная была бы, – вздохнул он и мечтательно

улыбнулся. – Это ж к какой хошь бабе заглянуть можно...

– Цыц! Мужик уже, а как недоразвитый балабонишь. Пора и своих детей иметь.

– Да я что, супротив, что ли? Но нет такой, которая бы меня до себя допустила.

– Цыц! Жди, пока Тамара не соберет все, и как стемнеет, отправляйся...

– А тут вы не правы, Афанасий Семенович. При сумерках и менты глазастее, и приборы разные, чтоб ночью видеть. Помните, у одного нового русского, он весной заезжал за проводником, ружьишко десятизарядное было? Винтарь и прибор на нем ночью – как днем через него видно.

– Тоже верно. Пошибче давай, Тамара, чтоб засветло ушли... Держись уж, сынок, коль такую жизнь себе выбрал, и не забывай главную заповедь тайги.

Тайга

– Ну вот и добрались, – положив человека на пол, прохрипел бородач. – Сейчас печурку протопим, и тепло станет. Чайку сделаем с травкой. Согреет лучше меда и хворь выгонит, так дед говорил. И не врал... – Он подошел к куче сухих дров в углу. – А ведь здесь был кто-то, припасы забрал. Но чужой наткнуться не смог бы, значит, кто-то из своих. Черт бы их побрал! – Он выматерился. Открыл дверцу обложенной кирпичом печки и стал расщеплять полено. Сняв рукавицы, подул на пальцы. Растер их о стоящие у стены вален-

ки. Положил щепки в печку и вытащил замотанную в целлофан спичечную коробку. – Конечно, не скоро нагреется... – Он протянул ладони к набирающему силу огню. Потом взял стоявший на печке чайник. Заглянул и снова выругался. – Кто ж так воду оставляет?! – Он поставил чайник на печку. Лежащий на полу человек шевельнулся и хрипло застонал. – Сейчас!.. – Бородач переложил его на топчан у стены. – Ты извини, что я болтаю, не говорил уже давно ни с кем, вот и выговариваюсь. – Сняв с лежащего натянутую на пуховый платок заячью шапку, он осторожно начал снимать с него платок. Человек хриловато застонал. – Сейчас... Хорошо, что мороз не стеганул, – бормотал он, прикладывая к окровавленному пятну на платке горсть снега, – иначе хана бы. – Подержав некоторое время ладонь на кровавом пятне, снял платок. – Да ничего страшного, – осмотрев припухлость чуть выше правого виска, кивнул он. – Конечно, лучше бы тебя коновалу показать, то есть лепиле, – он усмехнулся, – короче, врачу. Все-таки уже пятнадцать дней ты без движения. Точнее, неделю шла, а дней пять я тебя тащил. А твой муженек, сука, – он криво улыбнулся, – вроде на пользу пошел.

– Маша, доченька, – вдруг простонала женщина.

– Вот и голос прорезался! – бородач отошел к печке и снял чайник, вылил растаявшую воду и, открыв дверь, черпанул чайником снег. – Метет, – пробормотал он. – И надолго, видно, непогода установилась. – Он поставил чайник на печку и подбросил в нее несколько полешек. – Через часик тепло бу-

дет, – взглянул он на женщину. – И тогда я тебя осмотрую. Ты, видно, барышня, из этих вумен будешь. А тут у нас что? – Он подошел к накрытому куском брезента ящику, и, откинув его, поднял обитую железом крышку. – Жить будешь. – Он вытащил банку тушенки и пакет. Из пакета на грубо сколоченный столик выложил печенье, несколько кусков сахара, соль в банке из-под майонеза, кулек с макаронами и пакетик горохового супа. – Протянешь. Думаю, батяка догадается прислать кого-нибудь. Приучил ты меня с голоду не умирать, но, если честно сказать, воротит. Вроде и ничего, есть можно, но... – Не договорив, он выругался. – Хотя ведь это жизнь спасло. Не нарушу я главный закон тайги.

– Машенька, – снова проговорила женщина.

– И такие матери, значит, есть, – вздохнул бородач, – которые при смерти детей вспоминают. Не то что та сучка.

– Где я? – пробормотала женщина.

– Не совсем вовремя ты в себя пришла, – вздохнул он и подошел к ней. – В охотничьей избушке.

– Где Петя? – с трудом спросила она.

– Помер.

– А ты кто?

– Человек вроде, – усмехнулся он. – Лежи, сейчас чаем напою с травами, помогает крепко.

– Пить, – простонала женщина.

– Погоди немного. – Взяв кулек, он высыпал содержимое в большую эмалированную кружку. – Сейчас заварю, постоит

минут пять, и будешь пить.

Поселок Медвежий Угол

– Погоди-ка! – остановил майор пожилого мужчину в потрепанной фуражке ГВФ и старом летном костюме. – Ты говоришь, фамилии переписаны?

– Ну а как же? Учитывая постоянную угрозу нашей стране со стороны террористических...

– Дай-ка список.

– Я строго-настрого запрещаю посадку без предъявления документов, удостоверяющих личность, – все-таки закончил пожилой и вытащил из кармана аккуратно сложенный листок, хотел развернуть, но не успел – милиционер перехватил его. – Не знай я тебя, Лосин, мог бы и обидеться.

– А у этого документы были? – Милиционер подчеркнул ногтем последнюю фамилию.

– Так я ж знаком с его папашей, по одному делу проходили. Давненько это было, но...

– А что Иван Денов сидит, не знал?

– Как не знал? Знал, то есть слышал. Но думал, что он по амнистии вышел, коли так свободно к вертолету пришел. И к тому же он помогал дамочке весьма приятной наружности рюкзак нести.

– Я тебя, Пузырев, запросто могу привлечь за содействие преступнику, объявленному в розыск.

– Ты погодь, Лосин, ежели бы я помогал преступнику,

стал бы я его в список вносить да еще тебе про этот список говорить? Я, ей-богу, думал, что он по амнистии вышел. Век воли не видать и на лодке не кататься.

Майор рассмеялся:

– Он тебе что-нибудь говорил?

– Да ничего особенного.

– Черт возьми! – Майор развернул листок.

– Ты чего это? – спросил Пузырев.

– Похоже, пузырь с меня. Пузырек! – Лосин хлопнул его по плечу.

– Ну и ручка у тебя, – провожая быстро идущего к выходу майора, пробормотал Пузырев. – У батяни твоего полегче была, я помню, брал он меня два раза. Пузырев на слуху у ментов в свое время частенько бывал. А с чего это он вдруг про бутылку-то базарнул?

– Как фамилия вашей дочери? – спросил Лосин Андрея Васильевича.

– Она оставила мою фамилию, – ответил он. – Войцевская. А почему вы спросили?

– А фамилия вашего зятя?

– Гатов.

– Гатов?

– В чем дело? – раздраженно спросил Андрей Васильевич.

– Такой фамилии в списке нет, – ответил Лосин. – Войцевская есть, даже Денов есть, сбежавший уголовник, а Га-

това нет.

– Как нет? – удивился Войцевский. – Эдуард был вместе с ней...

– Вот смотрите. – Майор положил на стол список пассажиров. – На площадке работает шустрый мужичок, Пузырев, он взял на себя роль контролера, никого в вертолет не пропускает, пока не запишет все данные. А если документов нет, не пропустит.

– Но где же тогда Эдуард? – удивился Войцевский. – Он уговорил Иринку полететь с ним в Тикси, уверяя, что там можно договориться о поставке рыбы, купить меха и просто отдохнуть от дел. Ирина занимается бизнесом. Родила она рано, в семнадцать, любовь у нее была большая. Потом Сережу в Чечне убили. Она вышла замуж за Гатова. Он мне никогда не нравился – завистливый и чересчур ревнивый. Когда любят, не ревнуют, только тот любит по-настоящему, кто доверяет любимому. Внучка Машенька, – он улыбнулся, – смышленная, хорошая девочка. Живут они, в общем, неплохо. Я бы не стал утверждать, что счастливо, однако и плохого сказать не могу. Но где же Эдик?

– Поехали, – Лосин шагнул к двери, – сейчас выясним.

Тайга

– Нет тут никого, – сквозь завывания метели прокричал капитан ВВ, командир поисковой группы. – Если бы он рядом прошел, мы и не заметили бы. Хорошо, что нас охотни-

ки у себя пригрели, а иначе бы можно было всех восьмерых списывать. Что синоптики обещают?

– Возвращайтесь, – послышался ответ по радиации. – Еще двое суток погода не изменится. Кстати, есть неприятная новость – Денов ушел в сопки с двумя людьми, мужем и женой. Они из Москвы. Отец бабы приехал, ищет ее. Вертолет упал и разбился у Оленьей сопки. Говорят, за камень зацепился. Когда метель утихнет, туда комиссия направится. А Денова дома ждут. Так что возвращайтесь. Вездеход скоро будет у вас.

Район Пьяного Медведя

– Чего ты хочешь? – Женщина попробовала оттолкнуть наклонившегося бородача.

– Не о том ты думаешь, – спокойно ответил он, снимая с нее влажную кофту, потом стал стаскивать майку.

– Перестань, – умоляюще прошептала женщина.

– Дура ты, – усмехнулся он, – вещи надо просушить и натереть тело медвежьим жиром. Потом выпьешь отвар, и все будет нормально. Ты простыла, у тебя температура, а до ближайшего населенного пункта почти сто пятьдесят километров. Такая хренотень, – он мотнул головой в сторону окна, – продлится еще пару дней, а может, и больше. Так что или давай тебе помогу, или крякнешь.

– Что? – удивилась женщина. – Крякну?

– То есть помрешь. А одной тебе топать придется кило-

метров тридцать. Я-то уйду, потому что в побеге я, из лагеря сбежал. В общем, давай-ка перевернись на живот.

Ежась от озноба, она с трудом повернулась.

– Надеюсь, брюки снимать не придется? – тихо спросил она.

– Придется. У тебя что-то случилось с правой ногой. К тому же ноги в здоровье человека играют немалую роль, так дед говорил, а он знахарь был.

– Больно, – простонала она.

– Ссадина на лопатке, терпи. Жир впитаться должен. Медвежий жир лечит больные места, и ты согреваешься. Перевернись, – приподняв руки, сказал он. – И трико сними. Джинсы сохнут, – кивнул он на висящее белье, от которого шел пар.

– Странно, – прошептала женщина. – Ты беглый преступник, а помогаешь мне. Почему?

– Главный закон тайги нарушишь – все, удачи ни в чем не будет.

– Какой закон?

– Закон тайги, – растирая бока женщины, ответил бородач. – Красивые ноги, – отметил он вслух. Она зажмурилась. Открыв глаза, посмотрела на него.

– Извините. Как вас зовут?

– Во-первых, ну ее на хрен, вежливость эту, – вытирая руки, усмехнулся он. – На ты говори. А зовут меня Иван.

– Меня – Ира.

– Так, – он протянул ей большой свитер, – давай-ка натягивай, хотя колоться будет. Вот что, сначала это надень... – Он вытащил из висевшего на стене рваного рюкзака мужскую рубашку и теплые кальсоны.

– А откуда все это здесь? – спросила Ирина.

– В жизни всякое бывает, а эта избушка как бы точка спасения, если беда какая – медведь порвет а может, что-нибудь повредишь. Или таких, как мы сейчас, встретишь. И одежда есть, и еда... правда, кто-то забрал почти все. Но это узнается и накажется, – заверил он ее. – Здесь безнаказанными плохие дела не остаются.

– А ты, значит, что-то очень хорошее сделал, за что тебя и посадили... И сколько сейчас за такие дела дают?

– Шесть получил. Участкового избил и брата его, тоже мента. Да какая разница? Тебе помогаю, поэтому не язви, не надо.

– А почему сбежал?

– Одевайся, – Иван кивнул на рубашку и кальсоны, – и накройся. – Он вытащил старую простыню. – Одевайся, а я отвар налью.

Ирина натянула рубашку и кальсоны и неожиданно фыркнула.

– Видела бы ты сейчас свою маму, доченька, – прошептала она.

– Оделась? – стоя к ней спиной, спросил Иван.

– Да, – улыбнулась она и ойкнула от боли в губах.

– Когда отвар попьешь, губы слегка жиром смажь, тогда все быстро пройдет, а то долго мучиться будешь.

Иван помог ей привстать и подал кружку.

– Тряпкой возьми, – посоветовал он, – горячая.

Ирина обмотала кружку тряпкой, поднесла ее к губам, сделала маленький глоток и закашлялась. Иван забрал у нее кружку. Надрывно кашляя, Ирина прижала руки к груди.

– Пей, – сказал Иван, – все дерьмо ненужное уйдет.

– Не могу, – промычала она. – Как можно пить такую гадость?...

– Пей, твою мать! – рявкнул он.

Ирина, вздрогнув, сделала еще глоток и снова закашлялась.

– Пей! – повторил Иван.

– Мало тебе дали, – тихо произнесла женщина.

– Ну и баба! – Иван беззвучно рассмеялся. Ирина сделала два глотка. Покосившись на Ивана, вздохнула и снова начала пить. Ей стало жарко, на лбу выступил пот. Иван отошел к печке.

– Хватит? – жалобно спросила она.

– Допивай, – не оборачиваясь, буркнул он.

Ирина увидела, как он взял в руки большую кастрюлю, открыл дверь, зачерпнул снег и поднес кастрюлю к печке.

– А это для чего? – спросила она.

– Ноги парить будешь.

– Ноги парить? Но я терпеть не могу это делать...

– Все, обсуждению не подлежит. Ты должна более-менее восстановиться. Пурга утихнет – двинемся. Пойдем на Гнилой мост, это отсюда недалеко, там люди есть. На улице тебя не оставят. А у меня свои дела есть, да и светиться мне незачем.

– А почему ты мне сказал, что ты бежавший из колонии преступник?

– Врать не хочется. Зачем? Вот держи... – Иван вытащил из рюкзака шерстяные носки.

– А это зачем? – удивилась Ирина.

– Сразу, как попаришь ноги, носки наденешь, и все – простуду как рукой снимет.

– А здесь что, есть все необходимое? Но ведь запросто могут обворовать или...

– Во-первых, – перебил Иван, – эта избушка вроде «скорой помощи». Точнее, пункт неотложки. Во-вторых, если что-то пропадет, станет ясно, что в тайге чужой, и далеко ему не уйти. Конечно, если бы ты вещи отсюда забрала, то это бы поняли и ничего бы тебе не сделали. Такие избушки с давних времен ставят. Сейчас, правда, мало их осталось, да и то только в такой глуши, как здесь. Народ пошел хреновый. Идут в тайгу кто за пушниной, кто за золотом, кто за чем. И ничего у них не получается, вот и хапают все, что попадается. В этих краях в ходу такое слово – подснежники. Так не про цветы говорят, а про трупы, которые по весне находят... Ну ладно, как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, сейчас намного лучше. Спасибо.

– Спасибо в карман не положишь.

– Я заплачу.

– Я тебе вот что скажу... сейчас ты, конечно, не поймешь, но потом обязательно сообразишь и ненавидеть меня будешь. Так вот помни, что ты этого не делала. Объяснять я ничего не буду, но запомни: ты этого не делала.

– Чего?

– Все, хватит, сейчас это ни к чему, а объяснять я не хочу для твоего же блага. Просто запомни мои слова.

– Хорошо, я запомню.

– Ну, давай суй ноги... – Проверив температуру воды, он поднес кастрюлю к топчану. – И не выделяйся. Локоть терпит – значит, ноги не обожжешь.

Ирина осторожно дотронулась до воды и, взвизгнув, отдернула ногу. Иван, неожиданно присев, навалился грудью на ее колени. Она, пронзительно закричав, вцепилась ему в волосы.

– Замри! – крикнул он. – Притерпится.

Ирина застыла.

– Горячо, – кусая губы, прошептала она.

– Сиди спокойно, и все будет нормально. Мурашки по телу пробежали?

– Да.

– Значит, тело прогревается. Посиди, а потом воду стряхнешь и сразу ноги в носки. И ложись. Понятно?

– Да. А поесть можно? – смущенно спросила Ирина. – Я голодная.

– Значит, очухалась.

– А если тебя поймают, вернут в колонию?

– Вернут. Но сначала я сделаю то, за чем ушел. – Иван отошел к печке.

Выселки

– Ну что, Денов еще не появился? – насмешливо спросил высокий мужчина в камуфляже. – Ты ему, тетка, передай – пусть сам сдается, а то если мне попадется, я его как муху прихлопну!

– А что же вы с братаном своим орали, как поросята, которых на убой ведут? – насмешливо спросила средних лет продавщица. – Ишь расхрабрился. Иди отсюда! – кивнула она на дверь. – Сейчас мужиков кликну, они тебе враз ребра пересчитают за язык твой поганый. Или думаешь, вечно ваш дядька в прокуратуре сидеть будет?

– Так уже все, – засмеялась полная женщина с хозяйственной сумкой, – нет дядьки-прокурора у Торовых, под следствие он попал. И они скоро там же окажутся, с Ванькой увидятся.

– Не встретятся, – возразил вошедший мужчина. – У мен-тов свой лагерь имеется. А ты бы исчез шустренько, – кивнул он камуфляжу. – У Соболя день рождения, сейчас придут за бухарой. Сам знаешь, что Соболев по пьяному делу и

пришить может.

Камуфляж быстро вышел.

– А ты, тетка Тамара, не лей слезы попусту, – обратился мужчина к стоявшей с опущенной головой Деновой. – Ванька просто так не подставится.

– Ну-ка двигай отсель! – закричала продавщица. – А то сейчас по тылке твоей дурацкой гирькой шарахну! Ты чего мелешь-то?

– Да я просто так, – зная характер продавщицы, пробормотал попятившийся к выходу мужчина, – то, что и все говорят. Ты, Зинуля, сигарет мне дай.

– Лови! – Она бросила ему блок. – Деньги не забудь отдать, когда вернешься... А вы, тетя Тома, не волнуйтесь, – попыталась успокоить Денову Зинаида.

– Хлеба дай две булки и батон, – вздохнула Тамара.

– Да не придет он в поселок, – уверенно заявил капитан милиции. – Для него же тайга – дом родной. Где-то на Куларском хребте у Деновых заимка есть. Скорее всего он туда идет.

– По-вашему получается, Луконин, он бежал, чтоб отсидеться на хребте и выпить с отцом самогону? – усмехнулся плотный мужчина.

– Нет. Денов из лагеря ушел не для этого, – ответил капитан. – Оперативная часть получила информацию, что Денов совершил побег с целью убить жену. Следовательно, не

остановится ни перед чем.

– Так все в поселке говорят, – кивнул рослый молодой мужчина. – Она сына в детдом хочет сбагрить, а сама...

– Меньше сплетни слушай, Малышев, – одернул его капитан.

– А ты мне рот не затыкай. Посадил четверых у Деновых и троих у Сова. А зачем? Иван не малолетка и домой не побежит. Надо у его бабы людей оставлять. Он из-за нее ушел. На себе крест поставил. Убьет он Натку. Вот к ней он точно явится.

– Так, значит, ты оставил людей у родителей Денова и в доме напротив? Я знал, что ты идиот, – кивнул плотный капитану, – но не думал, что настолько.

– Товарищ подполковник, – обиделся тот, – Я ведь хотел...

– Возьмешь с собой четверых, – перебил его подполковник, – и будете держать дом Деновой под наблюдением. Где сейчас сын Ивана?

– Его сегодня увезли в Тикси, в больницу, – доложил старший лейтенант. – У пацаненка что-то с животом, вроде отравление.

– За ним там присмотрят, – сказал подполковник. – Была надежда, что Денов выйдет куда-нибудь за едой. Но сейчас у него паек старого каторжанина – муж с женой. Он наверняка уже съел кого-то. От вертолета уходили быстро, он в любой миг мог взорваться, поэтому они ничего не успели взять. У

Денова есть нож. Отец научил его поддерживать жизнь человеческим мясом. Денов-старший сам делал так дважды, он и не скрывает этого. Но для возбуждения уголовного дела слов мало. Иван сейчас хочет одного – добраться до жены и убить ее. Он уверен в себе, поэтому и в побег пошел, когда было объявлено штормовое предупреждение. Ему снова повезло – он сумел сесть в вертолет. Денов наверняка бы уговорил вертолетчиков приземлиться в районе хребта Кулар и через сутки был бы около Выселок. Найти оружие для него проблемы не составит. Тогда Наталью можно было бы считать покойницей. Сейчас у него два «пайка старого каторжанина», и погода на его стороне, поисковые группы ничего не могут предпринять. Группу СОБРа, подготовленную для работы в подобных условиях, в этот район доставить не могут. Вертолет из Медвежьего угла вылетел, когда пурга только начиналась. И кое-кто из начальства задает вопрос: почему разбился вертолет? То есть не исключается версия, что Денов пытался заставить экипаж изменить курс. Вертушка ударилась о камни на сопке Оленьи рога, значит, они уже отклонились от маршрута.

– Товарищ подполковник, – от вездехода к нему подошел прапорщик, – вас вызывают.

Подполковник направился к вездеходу.

– Тайга на связи, – проговорил он.

– Что у тебя, Копылов? – спросил мужской голос.

– Понаехало их там, – рассказывал молодой мужчина, – до страсти. А Натка, сучка эта, даже в больницу не поехала. Бабы собрали понемногу всего, с вертушкой отправят, как утихнет эта хренотень... – Он взглянул в окно, за которым подвывал ветер. – Но Лука позвонил своей дочери, требовал, чтоб навещала Лешку, да что-то не верится мне – он стелет мягко, а спать жестко.

– Где она сама-то? – спросил Афанасий Семенович.

– У хахаля своего. Он же, собачий потрох, ей условие выдвинул: ежели мальчика сплaviшь, со мной уедешь. Хоть бы Ванюха успел добраться до них, чтоб...

– Думай, что мелешь, Соболь! – зло перебил его Денов. – Ванька не станет убийцей, не позволю ему. Он наверняка с тобой на связь выйдет. Сразу скажешь мне. Если Ванька убьет Натку с ее хахалем, я тебе яйца отрежу. Все понятно?

– Да ты что, дядька Афанасий, – заволновался тот, – я же...

– Как только Ванька свяжется с тобой, я должен знать, где он, – не слушая, заявил старик.

Медвежий Угол

– Да как же, – усмехнулся Пузырев, – я ведь у всех паспорта проверял. И мужик этой самой девахи, у него еще фамилия другая была, неблагозвучная – Гатов. Ну, вроде как Гадов. Они, похоже, поссорились. Причину не знаю, не слушал, был занят проверкой документов. Но этот самый Гатов

не полетел. Вместо него другой, который вроде товарищ Гатова. Да вот этот, – указал он на фамилию в списке, – из Ленинграда, который сейчас Санкт-Петербургом называется. Там еще баба губернатор.

– Сопов Петр Геннадьевич, – прочитал майор. – Он?

– Так точно, начальник, – кивнул Пузырев.

– Где Эдуард? – спросил у него Андрей Васильевич.

– Так он в Тикси уехал, – посмотрев на майора и увидев его кивок, ответил Пузырев. – Рыбаки туда ехали. Вот он с ними и укатил еще до того, как вертолет улетел.

– В Тикси? – удивился Войцевский. – Зачем в Тикси? Ведь я ждал их в Верхоянске. Из Тикси самолеты летают? – спросил он у майора.

– Аэропорт закрыт, – ответил Лосин. – Там еще сильнее буран гуляет. Такая погода продержится минимум неделю. На место аварии не могут ни из Тикси прилететь, ни из Верхоянска, а уж про Якутск и говорить нечего. К тому же на месте падения потребуется техника. Снегу там прилично, придется откапывать. А как появятся обломки вертолета, дальше будут отгрести, чтобы тела не задеть. Но когда еще это будет...

– Ответьте мне, Александр, – сказал Войцевский. – Ирина жива или...

– Если откровенно... – Лосин помолчал, – все уверены, что нет. Денов уже пробовал человеческое мясо. Если бы у него были продукты, он не ушел бы с вашей дочерью и с этим

товарищем из Питера. Они бы задерживали его. Он пошел с ними, чтобы не обессилеть от голода. Ему необходимо добраться до хребта. Там наверняка есть заимка, где он найдет и одежду, и пищу. Но от места падения, учитывая погоду, добираться нужно минимум дней десять.

– Что же я Машеньке скажу? – прошептал Андрей Васильевич и тут же посмотрел на Лосина. – Вы можете связаться с Тикси, чтоб нашли Эдуарда? Я очень хочу узнать, почему он уехал в Тикси. Это возможно?

– Попробую. Официально, конечно, не получится, хотя попробовать можно. Ваш зять вдруг передумывает лететь на вертолете, который падает... Я найду его. А можно вопрос?

– Конечно.

– Как они жили?

– Если честно, неважно. Отец Маши погиб в Чечне, она его и не видела. Ей скоро будет семнадцать. Мать для нее все. А что касается Эдуарда, отношения с Машей у него так и не сложились. Ирину и Эдуарда объединил бизнес. Она молодец, у нее широкая сеть магазинов, кроме того, налажена поставка продукции в регионы. У Эдуарда свой банк. Он был на грани банкротства, но благодаря Ирине сумел поправить дела. В принципе Ирина никогда особо не жаловалась. А Маша преимущественно живет у нас с женой.

– Мне не понравилось, что ваш зять неожиданно уехал в Тикси, они ведь только что оттуда вернулись. И почему он уехал даже раньше, чем взлетел вертолет? Значит, у него бы-

ла договоренность с рыбаками. А ведь билет был куплен на имя Гатова.

– Действительно, – пробормотал Войцевский, – это странно. Я как-то не обратил на это внимания. И откуда тут появился Сопов? Почему он полетел с Ириной?

– А романы у вашей дочери на стороне были? – нерешительно спросил Лосин.

– Разумеется, нет. У Эдуарда мимолетные встречи бывали. Не уверен, известно ли об этом Ирине, но я знаю точно, что связи на стороне у него были и есть. У меня с Эдуардом по этому поводу состоялся очень серьезный разговор. Он клятвенно обещал прекратить свои интрижки на стороне. Эдуард не может иметь детей. И его это огорчает. Однако есть женщина, которая неплохо зарабатывает, у нее дочь, которая, если бы он захотел, давно стала бы звать его папой. А он только сейчас, кажется, решил ее удочерить. Но на это не согласны ни Маша, ни Ирина. А почему вы спросили? У меня появилось ощущение, что вы...

– Давайте пока не будем говорить об ощущениях, – остановил Войцевского майор. – Очень хотелось бы, чтобы вопреки всем прогнозам ваша дочь осталась жива. Правда, надежды на это...

– А это ты, начальник, зря, – неожиданно вмешался Пузырь. – Ванька, конечно, бандит, но его таковым сделали вы же. Ведь не он начал драку с двумя вашими. Менты, – пояснил он Войцевскому, – братья.

– Шел бы ты, Пузырь, отсюда, – попросил Лосин.

– Зазря вы на Ивана трупы вешаете, – махнул рукой Пузырь. – Ванька в старообрядцах воспитывался. Убить, понятное дело, он запросто сможет. Но чтоб раненого или слабого – ни в жизнь этого не сделает. Закон такой есть – ежели брошишь раненого или слабого в тайге, удачи тебе в жизни не видать. Да, людоеды они, Деновы. Но не подряд же всех хавают. И Ванька вашу дочь не тронет. Мужика, конечно, если тот начнет паниковать, и прибить может, но женщину не тронет, хотя сбежал для того, чтоб бабу прибить. Но свою. Конечно, с питанием у них сейчас беда, но вашей дочери ничего не грозит. Мужика того, если уж совсем худо будет, может на консервы пустить. А вашу дочь доведет, так что уши не ломайте.

– Погодите, – заволновался Войцевский, – то есть он заставит Иринку есть человеческое... – Не договорив, он потрянул головой.

– Ежели бабенка жить хочет, – вздохнул Пузырь, – еще как будет лопать.

– Перестаньте, – остановил его Войцевский. – Как вы можете такое говорить?

– А представьте, что вы в тайге в буран пробиваетесь, – сказал Пузырь, – с дочерью. И нет ничего, что сожрать можно было бы. Если вы хреновый отец и дочь вам по фигуре, то пушай подышает. Но вы от себя кусок отрежете и заставите ее...

– Хватит! – крикнул Войцевский.

– Надо попробовать выйти на Тикси, – сказал Лосин, – и найти вашего зятя.

– Вы слышали, что он говорил? – нервно спросил Андрей Васильевич. – Это возмутительно!

– Давайте не касаться этой темы, – мудро решил майор. – Идем звонить в Тикси.

Тикси

– Просто поругались, – вздохнул подтянутый молодой мужчина. – У нее шашни с Петькой. Заявился он туда и... – Не договорив, он взял рюмку с коньяком и залпом выпил. Сидевшие с ним за столиком молодая брюнетка и крепкий мужчина переглянулись.

– Зря ты так про Ирину, – сказал крепкий. – Она...

– Давай не будем обсуждать, правда это или нет, – прервал его первый. – Просто ты, Антон, и ты, Нина, постарайтесь меня понять. Я люблю ее. Женился на ней, несмотря на то что у нее...

– Это ты уж точно зря, Эдуард, – резко вмешалась женщина, – она тебе не навязывалась. Ты за ней сам два года ухлестывал.

– Значит, вы меня не хотите понять, – проговорил Эдуард. – Ладно, давайте выпьем...

– Извините, – сказал, подойдя, капитан милиции. – Вы Гатов Эдуард Павлович?

– И что дальше? – смерил его пренебрежительным взглядом тот. – Чего надо?

– Для начала ваши документы. – К столику подошел молодой мужчина в штатском. – Капитан уголовного розыска Калугин. – Он показал Гатову удостоверение. – Вы тоже предъявите документы, – сказал он мужчине и женщине.

– Это произвол! – возмутился Гатов.

– Документы, – повторил Калугин.

Мужчина и женщина протянули паспорта капитану. Гатов достал свой паспорт и сунул Калугину.

– Следуйте за нами, – убрав паспорт Гатова, сказал инспектор.

– Да в чем дело? – поднимаясь, спросил Эдуард. – Вы, может, наконец объясните?

– Конечно, – кивнул Калугин. – Но не сейчас и не здесь. Следуйте за нами. Вы, если у вас есть время, – посмотрел он на пару, – тоже.

– А что случилось? – спросила Нина.

– Разбился вертолет, в котором летела Ирина Войцевская, – ответил Калугин. – Вы ее знаете?

– Конечно... – Нина была потрясена этим известием.

– Ирина погибла?! – Гатов схватил Калугина за руку. – Иринка! – обхватив голову руками, он присел.

– А кто сказал, что она погибла? – спросил Калугин.

– Что? – Гатов вскочил. – Она жива?

– А вы, кажется, этому не рады? – усмехнулся Калугин.

Нина и Антон переглянулись.

– Она жива? – Гатов схватил инспектора за грудки. Кулагин отбил его руки.

– Идите в машину, – сказал Калугин, – а мы следом.

Посетители кафе смотрели на Гатова.

– В чем дело? – быстро спросила Нина.

– Нина Петровна Горохова, – посмотрел на нее Калугин. – А вы Антон Викторович, ее муж. Как вы встретились с Гатовым сейчас?

– Он приехал и позвонил, – ответила Нина. – Господи! Что с Иркочкой-то? Она в больнице? И почему арестовали Эдуарда?

– Его не арестовали и даже не задержали, – ответил инспектор. – Его разыскивает Войцевский Андрей Васильевич. И все вы сами видите, как он себя ведет. Мне интересно узнать, что он говорил о своей жене и почему он приехал один?

– Сказал, что поссорились. Он ее к Петру приревновал, – Антон усмехнулся. – Но это полный бред.

Охотничья избушка

– Метет, – войдя, сообщил Иван. – Как ты? – посмотрел он на накрытую тулупом Ирину.

– Нога немного болит, а так хорошо. Поесть еще можно?

– Не сейчас.

– Я лежала и думала: ты преступник, сбежал из колонии, чтобы убить жену. И вдруг помогаешь мне, совсем незнако-

мому человеку. Ведь ты тащил меня почти десять дней.

– Два дня, – ответил Иван. – Ты сначала шла сама. Потом свалилась в яму и повредила ногу. Но все равно ковыляла и все просила: не бросайте. И часто вспоминала дочь Машу. – Он улыбнулся. – Может, тебе этого не понять, но я не бросаю тех, с кем пошел. Это за...

– А что я ела? – перебила его Ирина.

– У меня с собой сушеное мясо было, вот его я и крошил почти в порошок, и ты...

– Подожди, мясо кончилось на третий день. Потом мы нашли замерзшую куропатку и...

– Просто я придерживал мясо. И правильно делал. Хорошо, что в воде недостатка не было, снега много. К тому же повезло, еще нашел замерзшую птицу, сову. Все-таки...

– Хватит, – попросила Ирина. – Сову ели. Ты, пожалуйста, никому не говори об этом.

Он, тая в глазах усмешку, присел перед печкой.

– А нам и оставлять тут нечего, – вздохнула Ирина.

– Будет что оставить.

– Как это?

– Все увидишь.

– А почему у тебя дрова горят таким плавным огнем?

– Делаю дымоход поуже, вот и горит плавно. Перестараться – дым в помещение пойдет. Мне частенько от батыни доставалось, не умел я огонь разводить. А без огня человек в тайге пропал. С голоду, если в сознании, не помрешь.

Тех же птиц замерзших найти можно, хвои пожевать или настой сделать. Конечно, неприятно, но жив будешь. Кстати, от цинги настой хвои очень помогает. На Колыме елки под Новый год из стланика делают. В стволе какого-нибудь дерева просверлят дырки и туда вставляют ветки стланика. Конечно, долго такая новогодняя елка не стоит, но в Новый год очень даже хорошо.

– А у тебя дом есть? – осторожно спросила Ирина. – Настоящий?

– Был, – неохотно ответил он. – Жена с сыном тоже были. А сейчас эта сучка сына... – Тряхнув головой, он замолчал.

– Но ее тоже понять можно, – проговорила Ирина. – Ты в тюрьме и...

– А ты бы мужа бросила?

– Не знаю... – Помолчав, Ирина вздохнула. – Мне с ним было хорошо только один год, первый. У меня дочь от другого. Вот и не получается у нас с Эдиком. Он сразу предупредил меня, что не будет Маше отцом и чтоб она его так не называла. А Маша не стала его признавать. Слушалась, не капризничала, но папой не называла. Эдик надеялся, что у нас будет общий ребенок. Но не вышло, не может он иметь детей. И знаешь, меня это даже обрадовало. Не хотела я делить любовь к Маше с другим ребенком. Наверное, потому, что Эдик не стал ей отцом. Извини, тебе это неинтересно...

– Знаешь, я никогда в жизни себя так не чувствовал. И разговоры другие, и все не так. А с тобой и слова какие-то

другие говорю. – Он рассмеялся. – Я в детстве читать любил, но дед, да и батя бывало ремнем лупцевали – читать и считать можешь, и все, не для того ты эту науку постигал, чтоб всякие бредни перечитывать. Староверы дед с бабкой пытались и меня заставить в Бога ихнего поверить. А я не понимал, почему богов много и каждая религия не упоминает другого, ведь Христос, Будда, Аллах и еще какие-то есть. В общем, получил я немало за любовь к литературе, но добились они обратного. Не зря говорят – запретный плод сладок. И в лагере книга спасала. Там говорить вообще не о чем. Вспоминать не хочется. Слушать, как о себе рассказывают другие, тоже желания нет. Хотя бы потому, что знаешь – врут. Лагерь не то место, где о себе правду говорить можно.

– А ты говорил, что я чего-то не делала. Но что именно?...

– Просто запомни это, – резко ответил Иван и, натянув на голову лохматую шапку, вышел.

– Чего я не делала? – прошептала Ирина. – Очень странный товарищ. Хотя он мне жизнь спас. Но все-таки что же он такое сделал, чего я не делала? И почему он мне это сказал? Может быть, я узнаю об этом. Интересно, от кого и как? Петра загрызли волки. Все-таки иногда я была в сознании и помню. А я, значит, ела сову, вот он, странный вкус. Я до сих пор ощущаю его. Но что все-таки я не делала? Спрашивать его нельзя, он уже начал злиться. Ладно, все равно узнаю. Съездила, наладила товарооборот... – Она покачала головой. – А Эдик, значит, решил развестись. Ну и ладно, очень хорошо.

Я бы сама, наверное, не сразу на это решилась. Бабник он. По-моему, Петр собирался поговорить со мной об этом, но в вертолете он сослался на плохую переносимость полета и сразу задремал. А потом уже было не до разговоров. – Ирина съежилась. Она как будто вновь оказалась там, в содрогнувшемся от удара вертолете. Отчаянный мужской крик, и она очнулась на земле. Болело правое плечо.

«Сейчас рванет! – закричал мужчина. – Уходим!»

Ее кто-то схватил за руки и силой потащил через кусты вниз по склону. Сзади раздался мощный взрыв. Ирину накрыл собой человек, который ее тащил. Она была уверена, что это Петр. Но это оказался рослый бородач. Потом он подзвал Петра. Тот непрерывно скулил, истерически кричал о том, что они погибли, орал на нее матом. Затем падение в глубокую яму, боль в ноге, разбитая голова и постоянное чувство голода. Если бы не бородач, который давал им сушеное мясо и по две галеты, идти они не смогли бы. Потом это мясо, по словам бородача, закончилось, остались только галеты. И Петр, крикнув, что ему нужны силы, попытался отнять у нее галету. Иван ударил его и предупредил: если такое повторится, он Петра убьет. Ирина вздохнула. Она никогда не считала Петра хорошим человеком и терпела его только потому, что он мог достать какой угодно товар и уговорить поставщика снизить цену. А у вертолетной площадки он неожиданно появился с большим букетом цветов, – где только смог достать? – и начал пылко признаваться ей в

любви и просить ее руки. Но тут появился Эдуард и устроил скандал. Ирина тогда смеялась, хотела выяснить у Петра причину такого признания. Однако в вертолете Петр сразу задремал. А потом вел себя как трус и подлец. И сейчас Ирина поняла: она рада, что Петра здесь нет. «Значит, я рада тому, что он погиб? Жаль, что в вертолете не было Эдика, он как будто чувствовал, что что-то произойдет. – Она посмотрела на стоящую на столе кастрюлю. – Есть ужасно хочется, но раз он говорит – позже, значит, позже». Она вздохнула.

«Зря я ей тогда сказал, – перерубая высушенные морозом сучья, думал Иван. – Хотя она все равно узнает. Но может, не найдут останков Петра. Зверье может его погрызть. Вообще-то я правильно поступил. С этим ей жить будет очень трудно. Спасибо бате. – Иван вспомнил слова отца. – „Видишь, сын, и гады иногда на что-то годятся“. Правда, вкус у человечины особенный. Я когда первый раз попробовал, долго вспоминал. Но так уж устроен мир: выживает сильный. Не съешь ты, съедят тебя. Меня обвиняли, что я подельника по побегу сожрал. А это он хотел меня съесть, только я сильнее оказался. И не ел его сразу, ушел. А через двое суток вернулся. Иначе бы сдох. – Иван покачал головой. – Ей эта лекция ни к чему. Надеюсь, когда ее начнут спрашивать, она вспомнит мои слова». Он вздохнул и пошел к избушке.

– Да поставьте себя на мое место, – вздохнул Гатов. – Ваш приятель объясняется в любви вашей супруге, а она нет бы послать его подальше, смеется и берет цветы. И в благодарность целует. И это все при мне, законном муже. Вот я и психанул.

– Понятно, – усмехнулся майор милиции. – Значит, приревновали. Но как же вас рыбаки так быстро с собой взяли?

– Место было. У меня коньяка французского пять бутылок. Да вы людей можете спросить. А я могу увидеть Иру? Надо же заняться ее похоронами. И как же я дочери...

– А кто вам сказал, что Ирина Андреевна погибла? – перебил его майор.

– Как? – Эдуард вскинул голову. – Она жива?

– Ее ищут, – ответил милиционер.

– Но почему тогда задерживают меня? И почему...

– Вас пытаются найти отец Ирины Андреевны. Он думал, что вы летели на том вертолете. К сожалению, сейчас мы не можем отвезти вас в Медвежий Угол, погодные условия не позволяют. Но убедительная просьба к вам, господин Гатов, не покидать Тикси и сообщить нам ваш адрес.

– Позвольте, это что же получается? Я под подозрением? Интересно...

– Повторяю, вас разыскивает господин Войцевский, он написал заявление, и мы обязаны это учитывать...

– Давайте я позвоню ему, – предложил Гатов.

– Он хочет с вами встретиться, – сказал милиционер, – что

вполне понятно. Вы перед самым вылетом устроили сцену ревности, и жена полетела одна, а вертолет разбился.

– Вы женаты? – спросил Гатов. – Тогда постарайтесь понять меня.

– Да на вашем месте я бы тем более не отпустил жену с другом. – Майор посмотрел на часы, положил документы Гатова. – Идите. И не забудьте сообщить, где вы остановились.

– Можете сразу записать. На Морской у Павловых.

– Они уехали, – улыбнулся милиционер. – Как я понял, они не желают вас видеть.

– Куда же они уехали? – удивился Гатов. – Ведь непогода...

– Вы плохо слышите?

– Я буду в гостинице «Полярная».

– Вы пытались дозвониться до Андрея Васильевича?

– Нет, я решил порвать с его дочерью, а кроме того, он всегда считал меня недостойным ее.

– Понятно. Когда получите номер в гостинице, позвоните. – Майор подвинул по столу свою визитку. – И по первому требованию быть в отделении.

– А эти, выходит, меня уже и знать не хотят? – прошептал Гатов.

Медвежий Угол

– Он в Тикси, – сообщил вошедший в комнату Лосин. – Хочет поговорить с вами по телефону.

– Я хочу ему в глаза посмотреть, – сердито проворчал Андрей Васильевич. – Когда его привезут?

– Сам приедет. Он не подозреваемый, просто я попросил своего знакомого...

– Но когда же он приедет? – перебил Войцевский.

– Когда небесная канцелярия погоду наладит.

– Как он мог так поступить? – спросил Андрей Васильевич. – Я не понимаю, как можно было...

– Бывает, супруги иногда ссорятся, – усмехнулся Лосин. – Я свою жену чуть было сразу после свадьбы не послал...

– И вы этим гордитесь?

– Да нет, мы душа в душу живем. Я к тому, что...

– Моя дочь неизвестно где... и вообще жива ли она. Я считаю, что виноват Эдуард. Как он мог отпустить ее одну? Ведь сейчас столько говорят о разбившихся вертолетах, самолетах. А он... – Не договорив, Андрей Васильевич, махнул рукой. – Он приревновал дочь. Но женщине подарили цветы, что в этом такого? Я вас понимаю, вам нужен виновный. Хотя, с другой стороны, если бы зять был в этом вертолете, он вполне мог погибнуть. Я не задавался бы вопросом, почему он отпустил свою жену одну. К тому же он знал, что я жду их в Верхоянске. Кстати, там непогоды не было, и мы долетели до Депутатского.

– Основной удар стихии принял этот район. Над Тикси он пронесся и ушел вглубь. А вертолет догнал буран. Вот она, частная авиация. О разбившемся вертолете узнали толь-

ко через пять дней. Двое суток искали. И случайно нашли обломки. А тут этот буран, мать его. И неизвестно, сколько он еще будет бушевать. Денов не должен уйти, его ждут в поселке. Конечно, если он туда пойдет. Для него тайга, сопки – дом родной. Тем более продукт с ним имеется... – Майор спохватился и покосился на Войцевского. – Ну может быть, не успеет, – поспешно проговорил он. – Пока этого мужика...

– Перестаньте, – с болью попросил Андрей Васильевич. – Неужели он может так поступить? Ведь вырос при советской власти и наверняка...

– Он волчонком рос, – перебил его майор. – В поселке есть только начальная школа. Первоклашки с третьеклассниками в одной комнате занимаются. Отправили его в интернат, но он там два года проучился и в колонию попал. Потом жил дома, с отцом. А тот – волк... Сколько эта демократия преступников породила, но что касается того, о чем я говорил...

– Я сам постоянно об этом думаю, – признался Андрей Васильевич.

– Если он добрался до одной из своих заимок, то там есть продукты. Оперативная часть колонии сообщает, что у него с собой были галеты, две банки сгущенного молока. Хотя, наверное, все уже кончилось. Он до вертолетной площадки шел почти трое суток. Шел быстро, отрываясь от возможной погони. Конечно, что-то осталось и...

– Извините, а заимка этого бандита далеко?

– К сожалению, нам точно неизвестно местонахождение этих заимок. Но на хребте Кулар наверняка имеется.

– Тогда есть надежда, что Петр и Ирина живы.

– Надежда, конечно, есть. Правда, вот погода не радует, и даже более того – погода на стороне Денова. А ее по статье не привлечешь.

– Но ведь он все-таки человек, а не зверь какой-то.

– Он с детства изучал науку не выживать в тайге, а жить. Знает, как и что делать в любую погоду, и умеет добывать пропитание.

– Но ведь даже в блокадном Ленинграде не все были людоедами.

– А кто знает, сколько их там было. Я не хочу марать память блокадников, но голод – это страшно.

– Вы словно оправдываете Денова.

– Боже упаси! Но он в детстве перешагнул черту, отделяющую человека от зверя. Если он сумеет добраться до Выселок, где живут его жена и родители, он убьет ее и любого, кто попытается ему помешать.

– Так и будет, – вошел в кабинет мужчина лет пятидесяти. Сняв шапку, он покачал лысоватой головой. – Здорово замело! Так вот, Иван Денов отошел от староверов, когда женился. Да, он бандит и пойдет на убийство. Я говорю о настоящем времени. А насчет вашей дочери я бы вот что сказал: есть такой неписанный закон тайги – если оставишь в беде слабого, не будет тебе удачи. Суеверие, но таежники нико-

гда не нарушают его. За малым исключением, конечно. Как говорится, в семье не без урода. Денов нарушил людской закон, но таежный – вряд ли. Он не причинит вреда вашей дочери. Может съест их спутника, но...

– Позвольте, – перебил его Войцевский, – кто вы такой?

– Полковник Зимин, Павел Борисович. Занимаюсь делом Денова. На нем уже есть труп. В трех километрах от Медвежьего угла убит охотник, у него похищено...

– Но при Денове не было оружия, – возразил Лосин.

– Это точно? – спросил Зимин. – Оружие могло быть в его рюкзаке, например, полотно ножовки. Отрезал ствол, приклад – и готов обрез. Сунул в рюкзак, и никто не...

– Он бы переоделся, – перебил Лосин.

– Надеюсь, что ты прав, майор, – кивнул полковник. – Не хотелось бы, чтоб Денов был вооружен. Если он прольет кровь, то уже не остановится и пойдет по трупам.

– Павел Борисович, а как вы сюда добрались? – спросил Лосин.

– На вездеходе, – ответил полковник. – Правда, раза три жалел об этом. Но доехали все-таки. В общем, ваша дочь сейчас обуза для Денова, но он не убьет ее, потому что верит: обидишь слабого – начнутся неудачи. А он ушел из лагеря с определенной целью.

– Подождите, – покачал головой Войцевский, – вы только что сказали, что этот бандит живет по таежному закону. И тут же говорите, что ушел он, чтобы убить жену, мать своего

ребенка. То есть...

– Эта мать, – зло перебил его Павел Борисович, – бросила больного ребенка, чтобы уехать в Хабаровск. А таежный закон с незапамятных времен гласит: «Накажи бросившую своего дитя. Предай огню ее мертвое тело». Теперь вы поняли разницу между вашей дочерью и женой Денова?

– Понять-то понял, – вздохнул Войцевский, – но тут такого наговорили, что я уже считаю Ирину мертвой. И знаете, может, это даже лучше, чем помощь людоеда. Ведь он может заставить ее есть... – Он замолчал.

– На этот счет можете быть спокойны, – сказал полковник. – Денов не будет этого делать.

– Знаете, – сердито произнес Войцевский, – вы прямо облагораживаете этого бандита. Утверждаете, что он людоед и в то же время, придерживаясь каких-то законов тайги, будет сам жрать Петра, а Ирине отдаст то, что у него есть.

– Я пытаюсь успокоить вас, – сказал Зимин. – Понимаю, что вы чувствуете, и не хотел бы оказаться на вашем месте. Мы сделаем все, что сможем. Погода мешает. Хотя, с другой стороны, возможно, именно это спасет жизнь вашей дочери. Синоптики утверждают, что через трое суток буран закончится. Нам обещали помощь охотники, также извещены оленеводы, предупреждены метеорологи. Хотя я уверен, что Денов идет к хребту Кулар, и наверняка его отец уже послал туда людей.

Сопки

– Возвращаемся! – крикнул один мужчина в заснеженной одежде другому. – Не пройдем, все хуже и хуже. Возвращаемся.

– А что Афанасий скажет? – спросил тот.

– Поймет.

Выселки

– Надо уматывать, – сказал крепкий русобородый мужчина, – а то он нас здесь и кончит. Погода-то какая!.. Сможет ли он добраться?...

– Иван сможет, – ответила миловидная женщина. – К тому же жратва у него есть – двоих он с собой от упавшего вертолета увел, бабу и мужика.

– Как ты могла жить с таким? Неужели не противно было целоваться с ним, обнимать?

– Но он же не ел людей при мне. Я слышала, что дважды он пробовал, но как-то не верилось. Его спрашивала, он молчал. Больше не могу я тут, я же в Хабаровске жила. Потом попалась со взяткой, не тому дала. Отправили меня на поселение. Здесь Иван встретился. Мужик крепкий, в постели вообще зверь! – Она засмеялась. – Я думала, что сумею уговорить его денег поднакопить и уехать отсюда. Он же все мог достать – меха и даже золото. Но он придет с сопки, душу на мне отогреет и снова туда. Деньги приносил, но мало. Я забеременела только для того, чтобы он денег побольше при-

носил, но зря. Вот и натравила на него...

– Лучше закрой рот, а то кто-нибудь услышит и тебе не поздоровится, и Торovým секир башку сделает Афанасий, пахан Ванькин. Не сам, так подошлет кого. А ты вроде роман имела со старшим? Не боялась, что Ванька застукает? Ведь прибил бы сразу и не посмотрел бы, что Торопов мент. Лишая ты бабенка, за это я полюбил тебя. Как погода нормализуется, укатим.

– Я тебе вот что сказать хочу. Если ты решил мною попользоваться и бросить, запомни, Гриша, убью. Стрелять я умею и ножом запросто яйца отрежу. Я ради тебя на такое пошла...

– Перестань, Наталья. Если уж кто кого использует, так это ты меня, потому что очень желаешь отсюда умотать.

– Да, хочу. Но я с тобой жить собираюсь. Из-за тебя и Лешку оставила.

– Успокойся, – Григорий обнял Наталью, – все у нас будет нормально. Надеюсь, ты не передумаешь...

– Никогда. Это же какие деньги можно получить!.. Так что я не отступлю, все сделаем как задумали.

– Отлично. Скорее бы выбраться отсюда.

– Боишься Ваньку? – усмехнулась Наталья.

– Жить хочу, – честно ответил Григорий. – Ему-то терять нечего, да и умеет он по этим сопкам скакать. Если в дом вломится, я его пришью в порядке самообороны. Но он к нам не зайвится.

– Заявится. Тебя убьет сразу, а меня помучает. Он к тебе обязательно придет, – вздохнула Наталья.

– Мать вашу! – недовольно процедил Афанасий. – Вы что, мальчишки, что ли? Пурги они, видите ли, испугались!..

– Да идти нет никакой возможности, – проговорил Егор, – по пояс проваливаешься. И руку вытянешь, не видать ни хрена. Мы прошли километр, до Белки даже не дошли. Невозможно идти.

– Верно Егор говорит, – кивнул крепкий молодой мужчина. – Мы до Белки два часа шли. А там по времени ходу всего десять минут.

– Ладно, – сказал Афанасий. – Тогда вот что, мужики, как только начнет утихать, сразу в путь. Потому как менты тоже начнут поиск. И вы должны опередить их. Ванька сейчас на хребте. Мужика, понятное дело, он ухлопал, а вот бабу оставил. И ежели менты не достанут, то живой выскочит. А ежели достанут, будет ею прикрываться. Хотя не станет, – тут же возразил он сам себе, – в сопках его не взять. Ежели, конечно, специалистов из Якутска не доставят. Там псы натасканные. Но Ванька сейчас в поселок идет, чтоб Натку кончить. Правда, сначала с кем-то из вас свяжется. Чтоб я тут же знал, что Иван у поселка появился. Хотя там баба с ним. Ежели пришибет ее, то удачи у него уже не будет. Надеюсь, он не забыл, что предки нам завещали.

Стоящая у печки жена, опустив голову, молчала.

– Торovy оба тут, – проговорил Егор. – Вроде как собирают охотников своих на Ваньку из артели, которую ихний дядька Лука кормит.

– Понятно, – процедил Афанасий. – Значится, бандюки будут ментам помогать. Эх, мать честная, а у Ваньки и ружьишка даже нету. Вот Лука, гнида!

– Надо как-то Ивана предупредить, – сказала жена. – Ведь у Луки есть мужики, которые могут...

– Цыц! – остановил ее муж. – Не суйся, баба.

– Как так не суйся? – всхлипнула она. – Убьют Ваньку-то.

– Цыц, я говорю! – крикнул Афанасий. – Убьют – похороним. Ты лучше думай, как Лешке помочь. Надобно забирать его из больницы, а то упрячут в детский дом, и все – сына не будет и внука лишимся. Кто ж род Деновых продолжать станет? Сволочь Натка, лиса бешеная! – Он сплюнул. – Но ежели с Лешкой что случится, не жить ей, да и Торовым тоже, а уж Луке тем более. Я им устрою тогда веселую жизнь.

– Ты лучше думай, как Ивану помочь, – высказалась Тамара. – Пусть бы сдался. Ну добавят года два, осталось четыре – и выйдет. Мы еще доживем, а то ведь убьют его. – Она быстро вышла. Афанасий молчал.

– Так мы это, – несмело пробормотал Егор, – потопали до дому. А как стихнет чуток, двинемся.

– Давайте, – кивнул хмурый Денов.

– Слышь, Лука Демьяныч, – обратился к седобородому

старика рослый мужик, – сейчас идти никак невозможно, нет проходу, не видать ни хрена...

– Стихнет, и двинетесь, – сказал тот. – И вот что, как увидите Ваньку, сразу на поражение бейте. И какой-нибудь пистолет ему в руку потом вложите. Мол, вооруженный был, вот и пришлось сразу наповал бить. Ясно?

– А тут, дядя Лука, и предупреждать не надобно, – усмехнулся плотный бородач. – Ванька – зверь по характеру и по повадкам. Ежели его не свалим, он кому-нибудь из нас кровь пустит, а такого желания у нас ни у кого нет.

– Это точно, – дружно поддержали его пятеро мужиков с карабинами. – Да есть у него стрелялка какая-нибудь, не мог он без оружия в бега податься.

– Нет у него ствола, – возразил Лука, – это я точно знаю. Нож, понятное дело, имеется. Он, гадина, с двадцати метров куропатку ножом сбивает. У них в роду все мужики ножи кидают очень здорово. Делают их сами и кидают на убой. Нож у Ивана сто пудов имеется.

– А твои племяши с нами пойдут? – спросил чернобородый здоровяк.

– А как же, обязательно. Им спокойнее будет, ежели они труп его увидят. Да и вам тоже сподручнее. Все ж помощь милиции оказывали.

Все дружно рассмеялись.

Сопки, заимка

– Ну, как ты себя чувствуешь? – войдя в избушку, спросил по пояс голый Иван.

– Брр! – передернула плечами сидевшая на топчане с кружкой чая Ирина. – Тебе не холодно?

– До трех минут никакой холод не опасен, – вытираясь, ответил он. – Ела?

– Да. И чай пью с листвой. Вкусно. Вам налить?

– Я чифир заварю.

– Но он же горький-прегорький, как вы его пьете-то?

– Бодрит хорошо. Конечно, если постоянно пить, сердце посадишь. А так с утречка самое то. Скоро утихнет, – Иван кивнул на окно, – и расстанемся мы. Вот о чем тебя попрошу – ничего обо мне не говори. Куда ушел и что у меня есть. Мол, плохо мне было, не знаю. Я тебя на сопку отведу и укажу, куда идти, выйдешь к метеорологам. Там баба с мужиком живут, нормальные люди. Да они уже знают, наверное, и про меня, и про тебя. И про третьего тоже. – Он усмехнулся.

– А вы? – осторожно спросила Ирина. – Его вы?...

– Не я, – Иван понял ее, – волки. Еще есть вопросы?

– Нет, – испуганно ответила Ирина. Иван рассмеялся.

– Не думай ты ни о чем, жить легче будет. А главное – у тебя дочь есть, вот и живи ради нее. Ты постоянно в бреду к ней обращалась. Значит, есть бабы, которые детьми дорожат. Вот ты бы смогла дочь свою бросить?

– Да вы что! Никогда.

– Тебе верю. В общем, к утру двинемся. Сможешь идти?

– Да. Спасибо вам. Если бы не вы, я бы не выжила.

– Не торопись говорить спасибо. Я преступник в бегах.

Вполне возможно, у тебя будут трудности, потаскают по кабинетам. Ментам крайний нужен будет, и ты для этого вполне подойдешь. Я просил тебя не говорить ни о чем, но дело твое. Скажешь – значит, скажешь. Мне уже все равно.

– Вы собираетесь убить жену? – помолчав и не услышав продолжения, тихо спросила Ирина.

– Да, – кивнул Иван.

– А вы не думали, что после этого можете потерять сына? И вас не будет, и...

– Его мои старики не бросят. А ее я убью, чего бы мне это ни стоило. Понимаешь, – он скрутил сигарку, – я любил ее, делал для нее все, что мог. Ей постоянно чего-то не хватало. Она была осуждена за дачу взятки. Два года в колонии-поселении. А это рядом с нами. Вот и познакомились. Любил я ее. А когда сына родила, я для нее был готов на все. Но оказалось, что ей не надо цветов и пылких объятий, как в книгах пишут, ей нужны деньги. Она просила меня золото ей принести, говорила, мол, продам и переедем в город. Она из Хабаровска сама. А я ей сразу сказал, до венчания, что я из поселка никуда. Пробовал я в городе жить. На три дня хватило. Потом чуть в тюрьму не попал. Здоровье вроде имеется, да и кулак тяжелый. К тому же учил меня тут один бывший военный приемчикум, чтоб морду грамотно бить. Вечером я вышел сигарет купить, а там двое к женщине привязались. Я

заступился. И меня же обвинили, что я на них напал. И баба та на меня бочку катила. Хорошо, девчонка из ларька, где я сигареты брал, видела все и рассказала. В общем, умотал я из города и зарок дал никогда туда не ездить. Да и работы там для меня нет. Я охотник хороший, в городе что мне делать? Давай больше не будем об этом...

– Хорошо.

Иван засыпал в чашку две ложки чая, залил кипятком. Накрыл и посмотрел на часы.

– А вы по времени завариваете? – стараясь снять охватившее ее напряжение, спросила Ирина.

– Да.

– Но ведь это очень и очень крепко, – лишь бы не молчать, пробормотала Ирина.

– Это чифир, – ответил Иван.

Ирина, не зная, что говорить, и чувствуя неясную тревогу впервые за все время, проведенное с этим человеком, попыталась успокоиться и отвлечь его, спросив:

– А не вредно?...

– Слушай, – усмехнулся Иван, – успокойся, не трону я тебя. И все у тебя нормально будет, не напрягайся.

Ирина опустила голову и вздохнула:

– Я впервые вижу человека, который спокойно говорит об убийстве своей жены и считает, что это правильно.

– А которых говорили с сожалением, значит, видела? – засмеялся он.

– Не приходилось.

– Ты знаешь, что я побегушник, что сбежал, чтобы убить бабу свою, что пробовал человечье мясо. Да я просто врать не умею, никогда не считал это нужным. В тайге брехунов враз определяют, и, считай, никто тебе не поможет, если помощь нужна будет. Просто сбрехнешь раз – запросто соврешь снова. И еще: врешь – значит, есть что скрывать.

– А когда вас арестовали, ведь наверняка пришлось, чтобы поменьше дали...

– Нет. Тут все просто было. Мне сказали, что один из Торových, Васька, брат нашего участкового, тоже мент, за Наткой, моей женой охотится, желает ее в постель уложить. Ну я и пошел поговорить с ним. А они со мной бросились драться. Я вломил обоим, вот и сел за нападение на сотрудников милиции. Конечно, перестарался трохи, в больничке оба отлежали. В общем, шестерик мне впаяли. Конечно, самое обидное знаешь что? Баба моя, Натка, на их поле играла, сучка. У нее, оказывается, хахаль уже был, Гришка Постановов, из Хабаровска он, делопут хренов. Меха скупает, дичь, рыбу и коренья разные. Ну вроде тех, что ты пила с чаем. Он, видно, пообещал ее с собой забрать. Она баба ништяк – и мордой хороша, и фигурка имеется. А в постели вообще класс. Вот и получилось, что я лишним оказался, меня и упрятали в тюрьму. Гришка с Торowymi в хороших, ну а Натка с ними крутилась. А сейчас тварина и сына бросила. В больничке он, а потом, значит, в детский дом. Старики мои, конечно,

забрать попытаются, должно у них получиться. А эту стерву я кончу, надо мне это сделать. Хахаля, может, не трону, а ее и Торовых завалю. Конечно, если успею до них добраться. А Натку обязательно грохну. Расскажи она мне, когда я на воле был, и все. Ну может, разочек бы съездил. Морду портить не стал бы. И все, сына бы забрал и к своим. А она, сучка, посадила меня, ментам подыграла и Лешку, сына, бросила. Он Гришке не нужен. Да и она тоже, а вот на кой хрен он все это замутил, непонятно мне. Хотя тут вины его нет, конечно. Это я тебе не для того сказал, чтобы измазать грязью ее или его. Просто никому больше не буду этого говорить, а в себе тяжело все держать. Благодарность к тебе имею за то, что хоть высказался. Насчет моих слов, что ты кое-чего не делала, объяснять сейчас не стану, потому как тебе от этого только хуже станет. А тебе через это пройти все же придется. Как только увидишь мента со звездочками на погонах, он тебе сразу вопрос этот задаст. А сейчас про это не думай. Хотя бы потому, что в голове засядет и себя изводить станешь. А у тебя дочь, и ты ей нужна. В общем, ни о чем не спрашивай, нам выйти надо. Ясно?

– Да, – ответила Ирина, хотя у нее было очень много вопросов. Иван рассмеялся.

– Да ничего худого нет. Просто запомни: ты этого не делала. Ясно?

– А чего я не делала? – не удержалась она. – Значит, ты это делал?

– Главное, что не ты! – хохотнул Иван.

Тикси

– Чего тебе? – хмуро спросил открывший дверь Антон.

– Да просто зашел в гости! – Стоящий перед дверью Гатов приподнял пакет. – Коньячок и...

– Некогда нам! – отрезал Антон и хотел закрыть дверь.

– Да постой ты! – Гатов успел сунуть ногу между дверью и косяком. – Неужели из-за...

– Ушел бы ты по-хорошему, – процедил Антон.

– Понял, не дурак. Но зря вы так, много теряете. Кто у вас покупать будет, если вы меня налаживаете? Иринка наверняка уже труп, и все теперь...

Кулак Антона врезался Гатову в лоб. Он рухнул и попытался встать. Из упавшего пакета высыпались фрукты и вытекал коньяк из разбившейся бутылки. Антон захлопнул дверь.

– Я тебя посажу! – закричал Гатов. – Ты мне...

– Свалил наскоряк, – Антон распахнул дверь, – или я тебя сейчас пришибу!

– Все, – Эдуард поднялся, – уже ушел. Но зря вы так, я же...

– Или ты уйдешь, – услышал он голос Нины, – или мы вызовем милицию.

– Зря вы так, – повторил Эдуард и поднял пакет. – Две бутылки «Кремлевского» разбились, фрукты сейчас стоят...

– Держи! – Антон выбросил на площадку тысячерублевку и закрыл дверь. Гатов поднял деньги и потрогал лоб.

– Твое счастье, что не ответил я, – пробормотал он и стал спускаться по лестнице.

– А он вполне может написать заявление, – вздохнула Ирина.

– Да ничего он не напишет, – отмахнулся муж. – Мало я ему врезал. Из его слов можно понять, что он знал, что Ирина пострадает. Слышала?

– Слышала. И очень боюсь, что это правда. Вертолет разбился в тайге, а сейчас такая ужасная погода. Потом еще этот людоед, который из лагеря сбежал. Он, говорят, еще маленьким людей ел. Не знаю, правда это или нет, но одно то, что он бандит...

– Я и сам об этом думаю. Получается, что Эдик договорился с ним. Ведь и сбежать из лагеря можно...

– Перестань, – перебила его жена, – это ты уже чепуху говоришь. То, что он не полетел, плохо. И не расстраивается совсем. То, что он спровоцировал скандал, даже милиция, кажется, поняла. По крайней мере Андрей Васильевич так думает. А Петр каков, как же он...

– Да он за деньги что хочешь сделает. Неужели ты не поняла, что он за человек? Я убежден, что он действовал по заказу Эдьки. Он же трус, Петр, а тут цветы дарит, зная, что муж вот-вот подойдет. В любви признаваться начал. Но за-

чем это Эдьке надо было? Ведь Иринка его спасла. И жил он за ее счет. Дела у него очень плохо идут. Сейчас проверки частных банков начались, многие прикрыли. И он на очереди стоит. Иначе зачем бы он стал так активно заниматься Иринным делом? Выходит, он знал, что вертолет упадет, а Петр полетел с Иринкой. Странно...

– Я тоже об этом думаю. Где же сейчас Ира и что с ней? Еще погода эта... – Она посмотрела в окно. – Неужели Ирина погибла?

– Жива она, – обнял ее муж. – Не может она погибнуть, Маша у нее растет. Не должна...

– Но очень мала вероятность того, что Ира... – Нина заплакала.

– Погоди, Нинуся, не хорони ты ее раньше времени. Не должна она умереть, не должна. Ну а если уж... Машу ведь мы не оставим.

– Какие же суки! – бормотал, идя по улице, Гатов. – Но я вам устрою. Хрен вы теперь будете такие бабки иметь. А Ирине Андреевне я пышные похороны устрою, – засмеялся он. – Квартиру заберу себе. Только вот Машка... Да ее к себе дед с бабкой возьмут, не оставят ее со мной. Все очень удачно складывается. Я так надеялся, что ты погибнешь сразу, но живучая ты оказалась, точнее, везучая. Хотя сейчас ты в компании с людоедом. С кого он начнет – с Петьки или тебя?

Москва

– Когда мама придет? – спросила стройная красивая девушка лет семнадцати. – У меня день рождения скоро, а без нее...

– Да что-то не звонят даже, – недовольно проговорила пожилая женщина. – И дедушка молчит, и мама твоя тоже. Я уж сама пыталась дозвониться, но не получается.

– А в том районе сейчас какой-то циклон, кажется. Я случайно прогноз погоды услышала. Как раз в том районе, передали, буран. Может, поэтому и связи нет?

– Может, и так. Сегодня обязательно прогноз послушаю. Я в последнее время перестала его слушать. А то узнаешь про магнитные бури, и боишься. И знаешь, Машенька, чувствовать себя лучше стала. А почему ты про Эдуарда не спрашиваешь?

– Зачем? Он мне неприятен. Я терплю его из-за мамы. Я ему говорила об этом. Знаешь, бабушка, может, я, когда была маленькая, и стала бы звать его папой и привыкла бы, но он сам запретил. Я это очень хорошо помню. Наверное, единственное, что помню из детства.

– А ты не думала, Маша, каково приходится маме из-за твоего отношения к нему?

– Я с ней разговаривала, и она сказала, что понимает меня. Он не ругается, не обижает ни меня, ни маму. Приносит цветы, подарки дарит. Но все равно он для меня чужой. Когда я в первый класс пошла, очень хотела, чтобы у меня, как

и у всех, папа был. А он... – Маша вздохнула.

– Ладно, что теперь говорить, ты уже почти взрослая, живешь у нас, с отчимом не общаешься.

Медвежий Угол

– Стихает непогода, – стоя у окна, заметил Лосин.

– Как вы думаете, майор, – негромко спросил Войцевский, – Ира жива?

– Надеюсь на это. Хотя, если честно, не думаю. Все-таки она женщина городская, а в такую пургу и местные нередко гибнут. Полковник Зимин, он специалист по розыску преступников в тайге, говорит, что Денов бросит ее. Но я и мои товарищи считаем, что Денов вашу дочь не тронет. Однако кто знает... Как только буран утихнет, сразу на место падения отправятся спасатели, и они начнут поиск. Подключим охотников и...

– Господи, – простонал Войцевский, – помоги ей. Я не звоню домой – делать вид, что все нормально, не смогу. А как сообщить жене и внучке о гибели Ирины?

– Да погодите вы ее хоронить. Можно сказать почти наверняка – Денов не преступит таежный закон. Ему ведь сейчас удача ой как нужна. Правда, он отморозок. Если уж на льдине с батяней своим мужика слопали, то в сопках, да в такую погоду... Хотя, может, они сумели добраться до заимки. А уж там наверняка все найдется. Может, даже и оружие. Вот этого бы не хотелось. Стреляет он быстро и метко. В глаз

белку из мелкашки бил. А если там карабин имеется, то положит он людей, когда его брать будут. И те места он знает, как хозяин квартиру. Хотя оружие давно не оставляют в подобных избушках. Но наверняка не скажешь... В общем, непогода утихнет и начнется розыск, район обложат. Думаю, через пару суток сумеют выйти на его след. Зима сейчас напакостила, но как только погода установится, то на нас работать начнет. В заимке Денов долго не просидит. Да и найти ее вполне могут. Печку-то топить надо. Конечно, часто устраивают дымоход под землей, и дыма не видно. Но запах, протайны на снегу и сажа остаются. А при тридцати одном градусе без огня закоченеешь. Так что главное, чтоб метель эта чертова прекратилась. Давненько такого я не видел. Но стихает, кажется. Да и синоптики обещают. Вы есть не хотите? А то ведь...

– Не до еды мне сейчас, – вздохнул Войцевский. – Как подумаю, что Ира с этим людоедом находится, сердце замирает. А с другой стороны, без него она бы точно погибла. Вот полковник говорил о каком-то таежном законе. Однако этот людоед нарушил не только государственный закон, но и человеческий. Страшно говорить об этом, даже представить невозможно...

– Да это понятно. Рассуждать вроде бы легко. Мол, за это стрелять надо и так далее. Но тут ведь и другая сторона есть. Да именно так! – увидев возмущенный взгляд собеседника, кивнул майор. – Лыдина уходит все дальше, помощи нет. Ко-

гда их хватятся, неизвестно. А с Афанасием был сын, его ребенок. Сам он та еще мразь, зверюга. Но он жизнь своему сыну спасал. Пацан умер бы от голода у него на глазах. Конечно, противно даже слушать об этом, но, однако, все это было. И вполне возможно, что если бы Афанасий тогда в по- беге не съел своего подельника, то их слопал бы на льдине тот. В таких случаях человек становится зверем. Конечно, это ужасное преступление, но тем не менее...

– А как бы поступили вы, майор, если бы оказались в по- добной ситуации?

– Каждый из нас не раз задавал себе этот вопрос. И никто, я в этом уверен, честно не ответил. Потому что в такой си- туации... – Майор выругался.

Войцевский вздохнул:

– А вы, наверное, правы, майор. Я понимаю, что это ужас- но, бесчеловечно, и никто не поймет и не примет этого. Но ведь видеть, как умирает от голода ваш ребенок... Господи, пусть он ее просто убьет!..

– Все будет хорошо. Конечно, трудно поверить в таежное благородство бандита, еще и людоеда в придачу, но в жиз- ни порой бывает такое, что кажется невероятным. Я пони- маю вас, вы не можете не думать об этом, но нужно как-то успокоиться, а то шибанет вас инфаркт, и дочь Ирины оста- нется и без мамы, и без деда. Пока неизвестно, жива Ирина или нет. Давайте выпьем, – майор достал из сейфа бутылку коньяка и две рюмки, – неплохой коньяк. А потом пойдем

обедать. Ну, за все хорошее! – Он поднял рюмку. – В хорошее верить надо. А вторую выпьем за то, чтобы здесь выпить троим, вы, ваша дочь и я. И мою жену еще позовем, Татьяну. Она очень за Ирину переживает.

– Спасибо, – кивнул Войцевский. – Надеюсь, это пожелание сбудется.

Поселок Белка

– Ну что, мужики, – сказал седобородый мужчина, – подмогнем власти? Надобно найти этого сукиного сына. Он...

– Слышь, Михалыч, – перебил его плотный мужик в бушлате, – а ведь Денов вроде как ни за что срок-то получил. Али не слыхал, что говорят в Выселках?

– Да проблема сейчас не в том, за дело он в лагере был или нет. Он сейчас убийство готовит, и с ним двое людей. А может, уже и один остался. Он же зверюга, Ванька-то. Афанасий его с малых лет к людскому мясу приучал, да и сам...

– Слышь, Михалыч, – усмехнулся мужик с окладистой бородой, – а ты вот что нам сообщи. Ежели бы ты вот так оказался на осколке льда, что делал бы? Осуждать мы все горазды, а вот если представить такую ситуацию, тогда, может быть, и сам бы слопал свою Валюху, она баба сдобная, – добавил он под хохот остальных.

– Так Ванька из лагеря бежал, – зло произнес Михалыч, – и бабу с мужиком захватил. Вполне может быть, что он и вертолет этот самый расколотил. Заставил...

– Зря ты видик купил, – сказал человек с окладистой бородой, – нагяделся там муры разной. Вон в одном фильме в самолете президент американский с террористами дерется. А на самом деле может такое быть? Да ни в жизнь. Так что не мели что попадая, Михалыч. Что касасемо нас, никто из моей родни не пойдет на охоту за Ванькой. Понятно?

– Ивану помочь, – усмехнулся парень, – то это, пожалуй, можно. Так что, Михалыч, ты не к тем обратился.

– Это ты про себя говоришь, Пятка, – недовольно буркнул крепкий мужик с трубкой в зубах. – Надо идти и отлавливать его. Он же не просто так сбег, женку свою прибить желает, а если кто попадется на пути, он и того...

– Так не вставляйте у него на дороге, – усмехнулся мужик с окладистой бородой. – Натка пацаненка большого бросила и хахаля себе отыскала. Правильно сделает Иван, ежели ей горло перережет. В общем, и базарить тут нечего, мы уходим. – Он шагнул к выходу из клуба. За ним направились пятеро. Парень и еще трое тоже двинулись вперед.

– Кончать Ивана надобно, – кивнул невысокий старик. – Он же зверь сейчас бешеный и крови прольет много. Не смогут его милиционеры остановить. На учениях у них, понятное дело, все получается, но в жизни иначе. А Ванька Денов не городской пижон, он с детства тайгой воспитан, хрен его отыскать сумеют. А ежели поймет, что не дадут ему к бабе пройти, может и пострелять. Батяня его, Афанасий, сейчас наверняка послал мужиков своих, чтоб оружие сыну отнес-

ли. Их и надобно перехватить. Нельзя Ваньке оружие сейчас в руки давать. Он и стрелок отменный, и в сопках жить умеет. Снег сейчас лежит, и по следам его найти могут, но ведь он может и бесследно ходить. Наверняка Афанасий передал ему и эту науку. В общем, надобно кончать с Иваном. Правильно ты, Митька, говоришь, – кивнул он Михалычу. – Сколько у нас мужиков осталось? Двенадцать. Жаль, конечно, что Аркадий со своими ушел, они те места очень хорошо знают. Но и вы не пацанята. Так что как утихнет непогода, идите к хребту. Там он отсиживается. Оружия ему еще не поднесли, от Выселок топать далече. В хорошую погоду и то дня два, а то и три добираться. Вот только ежели его уже там ожидал кто-то... Хотя навряд ли. В общем, как только наладится погода, отправляйтесь. И ежели завалите Ванюху, от власти благодарность поймеем и милиция не так цепляться станет. – Он подмигнул Михалычу. – Молодец ты, Митька!

– Так с твоей подсказки, Василий Демьянович, – усмехнулся тот.

С клубами пара в открытую дверь вошел мужчина в тулупе, обмел веником валенки и кивнул:

– Здорово, мужики!

– Привет, служивый, – отозвался Василий Демьянович. – Решили мы подмогнуть тебе с Деновым. Правда, Аркашка Зубов своих увел. И Пяткины все трое пошли. Ты, Бегин, имей в виду их, они запросто Ваньке помощь оказать могут.

– Погоди-ка, Василий Демьянович, – сказал старший лей-

тенант милиции, – ты что-то не то говоришь. Кто просил тебя о помощи? Мы сами разберемся и с Деновым, и с кем потребуется. Ясно? И не суйтесь в сопки, а то запросто неприятностей заработаете.

– Так не сможете вы его сами найти, – возразил Василий Демьянович. – Денов получил воспитание от отца своего. Кроме того, у него учитель был, ну, этот, которого медведь задрал, бывший десантник, что ли...

– Офицер морской пехоты, – поправил его Бегин.

– Вот и думай, участковый, – проговорил Михалыч. – Здоровье у Ваньки богатырское, силенка имеется. Знает приемчики, стреляет, как снайпер, нож кидает не глядя и не промахивается. Следов не оставляет. И что вы можете...

– Я сказал, – недовольно перебил его милиционер, – не суйтесь в это. Брали и не таких, как Денов. В общем, вы поняли, что делать вам там нечего? Если сунетесь, хорошего не ждите.

– Вот и помогай власти, – проворчал Василий Демьянович. – Мы же только для того, чтоб помочь...

– Я уже сказал, – повторил участковый, – не суйтесь, мы сами отработаем Денова. И еще. Перестаньте обирать оленеводов. Вы знаете, о ком я говорю. Если еще раз узнаю, заведу дело. Все понятно?

Якутск

– К этому делу надо отнестись особенно внимательно, –

заявил человек с седой козлиной бородкой. – В руках беглого преступника-людоеда оказались двое пассажиров разбившегося вертолета. Кстати, есть версия, что вертолет потерпел аварию из-за попытки его захвата.

– Полная чушь! – усмехнулся полковник ФСБ. – Эксперты работали на месте падения. Нет никакого сомнения в том, что вертолет врезался в скалы, которые называются Оленьи Рога. Версия захвата исключена. Причина – плохие погодные условия. С Деновым действительно были двое, мужчина и женщина. И есть основания предполагать, что Денов взял их в качестве запаса пищи. Он людоед, бежал с конкретной целью. Кстати, обстоятельства побега будет расследовать комиссия. Слишком легко ему удалось уйти. Почему его вывезли на объект, хотя у оперативной части колонии имелась информация о его желании бежать? Но это уже дело не наше. Надо взять Денова. И очень бы хотелось, чтоб хоть кто-то из тех двоих был жив. Здесь находится отец женщины. Вторым, Соповым, интересуется уголовный розыск Санкт-Петербурга. Причина неизвестна, да сейчас это и не важно. Надо выходить на след Денова и брать его. И еще. В случае попытки сопротивления – огонь на поражение. Слава Богу, прошло то время, когда жизнь сотрудника группы захвата ничего не стоила. Вопросы есть? – Он осмотрел милиционеров. Взглянул на прокурора. – Надеюсь, возражений не будет, если руководством операцией поиска и захвата Денова займутся и наши люди?

– Странно, – проговорил подполковник, – с каких пор ФСБ занялась побегушниками? Что-то здесь не так...

– А чего непонятного? – пожал плечами полный подполковник. – Решили наконец в сопках порядок навести. А то всяких поселений полно, кого только нет. Секты разные ратуют за независимость Якутии. Так что тут давно пора ФСБ вмешаться. А вот Денова надо брать, и чем быстрее, тем лучше. А еще лучше, если его убьют. Из Червоного распадка звонили, там старoverы молятся за Денова-младшего. Мол, за веру его преследуют.

– Это тоже надо учитывать, – посмотрел на него фээсбэшник. – Действительно, такое случается. И кое-кто пытается сделать из Денова мученика. В этих краях немало старoverов. Они окажут помощь Денову, а этого допускать нельзя.

– С разными сектами давно пора кончать, – высказался невысокий майор милиции. – Жертвоприношения и вообще...

– Если такие сигналы подтверждаются, – недовольно возразил прокурор, – принимаются соответствующие меры. Сейчас надо брать Денова.

– Я думаю, этого хочет каждый, – усмехнулся фээсбэшник.

– Вот еще что, – заговорил коренастый майор милиции. – Некоторые из охотников в помощь нам собираются на охоту за Деновым. Я считаю, это недопустимо. Денов запросто может убить пару-тройку таких помощников. Или Афанасий

узнает и захочет отомстить за сына.

– Допустить эту так называемую охоту нельзя ни в коем случае, – кивнул полковник ФСБ. – Очень хорошо, что затронули этот вопрос. Участковым инспекторам следует запретить привлекать к сотрудничеству местное население. Понятно, что без знающего эту местность проводника не обойтись, но человек должен быть надежный. Когда группы переправят в тот район? – взглянул он на офицера СОБРа.

– Как только позволят погодные условия, – хмуро ответил тот.

– А что у вас? – Фээсбэшник перевел взгляд на полковника внутренних войск.

– Да ничего, – раздраженно отозвался тот. – Погода за этого людоеда. Хватились его через семь часов после побега. Денов, оказывается, неделю рыл подкоп, благо на выездном объекте это сделать нетрудно.

– Когда вышли на его след? – спросил фээсбэшник.

– В километре от колонии. Он в речку вошел, а там как раз рыбаки лед колоть стали.

– Как же вы его пропустили к Медвежьему углу? – строго спросил прокурор. – Ведь это...

– Денов шел в сторону Чесуровки, – перебил вэвээшник, – и вышел на след оленьей упряжки, потом его след пропал. Значит, он сел на упряжку. А у Треугольника след вывел на оленье стадо. И оттуда уже четыре упряжки в разные стороны отправились. Пока установили...

– Как можно было потерять след на снегу? – усмехнулся майор.

– Опытный человек запросто уберет свой след, – ответил фээсбэшник. – А уж такой, как Денов, тем более. Не забывайте, что в тот день как раз начинался буран.

Выселки

– Здравствуй, Тамара Васильевна, – войдя, кивнула невысокая женщина. – Могу я видеть Афанасия Семеновича?

– Здравствуй, Алла, – откликнулась Денова. – Афанасий! – громко позвала она. – К тебе Алла Латышева пришла.

– Иду. – На кухню вышел Денов. – Приветствую, – посмотрел он на Аллу.

– Пришла сообщить, что Сашка мой и Егор Рябов ушли, – негромко сказала гостья, – вчера в обед. Стихает непогода-то, вот и тронулись они. А еще, Афанасий Семенович, ко мне брат приехал двоюродный. Он хочет с вами встретиться, новость у него для вас имеется.

– Так пусть приходит, – кивнул Афанасий. – Я его отца хорошо знал, мужик правильный был. Так и скажи, пусть идет. Угощение, значит, приготовим и посидим, как бывало с его отцом Денисом. И ты тоже приходи, а то Тамара моя все одна и печалится. Слыхала о внуке-то? И Иван через это в бега пошел. Я, конечно, не одобряю этого, но и в беде не оставлю. И сыну твоему Саньке Латышу большая благодарность. Ежели что надобно, ты говори, помогу.

– Спасибо, Афанасий Семенович, – поклонилась женщина. – Муки бы немного, да сахарок закончился.

– Будет и мука, и сахар, – сказал Афанасий. – Сейчас все по сусекам скребут. Ежели пурга продержится еще неделю, многие без хлеба останутся. Все на магазин надеются, забыли, что не всегда хлеб привозят. А я свой хлебушек ем. Ты не волнуйся, сейчас принесут муку и сахар. Может, еще чего требуется? Так говори, не тушуйся.

– Кто-то уже пошел к Ивану, – уверенно проговорил старший лейтенант милиции. – Но вот кто, не пойму.

– А что тут понимать-то? – вошел в комнату дядя Лука. – Латыш Сашка и Егор Рябов. Нет их в поселке, со вчерашнего дня нет. Вечерком, наверное, и отправились к Ивану.

– А ты чего явился-то? – спросил Торov с капитанскими погонами.

– Так дела есть. Мужиков отправить надобно. Шестеро пойдут. И братан мой звонил, Василий, в Белке он народец подобрал. Правда, участковый этот новый, Бегин, ни в какую помощь не принимает. И говорит, мол, ежели полезете – под статью попадете. Что Олегу делать-то?

– Договорюсь я с Пашкой, – сказал старший лейтенант. – А то и Олег с ним поговорит. Нельзя, мол, желание народа помочь закону на корню пресекать.

– Да если что с кем из этих помощников случится, – усмехнулся капитан, – то Бегину в первую очередь шею на-

мылят. Ты как участковый должен это знать. Если кто-то пострадает, то с Олега погоны снимут.

– Да погоны я и сам снять хочу, – буркнул старший лейтенант. – Как дядьку в Якутске прихватили со взяткой, жизни спокойной не стало. Хорошо еще, что Ванька в бега ушел, а то ведь запросто могли дело пересмотреть, и тогда вообще кранты...

– Да никто бы ничего не пересматривал, – успокоил его Василий. – Для этого надо адвоката хорошего иметь, а Деновы, сам знаешь, дикари.

– А мне, племяши, вот что интересно, – посмеиваясь, заговорил Лука Демьянович. – Как же вы вдвоем не сумели справиться с Иваном? Вас же приемчикам разным обучают. Али только в кино вы любого супостата запросто скручиваете?

– Да перебрали мы тогда, – поморщился Олег. – А то запросто сделали бы Ваньку. Мы на ногах не держались. Да и полезли поэтому. Хотя Денову давно место в тюрьме.

– Сейчас главное, чтоб он до Выселок не добрался, – сказал дядя Лука, – а то ведь начнет с вас, пожалуй. Он-то в курсах, что ни за что в камере оказался. Но сейчас ему в любом случае не жить. Либо прибьют тут, либо в камере для пожизненно осужденных подохнет. Таким, как Денов, в камере...

– Хотелось бы самим с ним управиться, – перебил его Василий.

– Так это запросто. Позвоню братану, он установит, где Ванька, и вас туда доставят, вот и разберетесь.

– Да хорош тебе, дядька Лука, – обиделся Олег. – Ты лучше парочку людей посади у Гришки. А то вдруг Иван туда проскочит, он же положит и Натку, и Гришку. А этого бы не хотелось.

– Вот как раз и пришлось бы впору, – усмехнулся Лука Демьянович. – Что за дела у вас с Гришкой этим? Не просто так вы о нем печетесь, как о себе. Натку, что ли, оберегаете? С чего бы это?

– Платит хорошо, – подмигнул ему Олег.

– Кстати, ты об оплате вспомнил, – усмехнулся Лука Демьянович. – Моим ореликам тоже плата нужна будет. И мужики Васькины, конечно, задарма под Иванов нож не пойдут. Так что пускай ваш бизнесмен кошелек раскрывает. А то ежели на вас понадеется али на милицию, то без головы останется. Иван – мужик сурьезный, натуры звериной, и идет он именно за головами Натки и Гришки. Или, может, вы платить мужикам станете?

– Ну ты даешь, дядька! – удивился Олег. – Неужели с нас бабки брать будешь? Ведь мы все-таки...

– Бабок не надо, – Лука Демьянович хихикнул, – стар я стал, а вот деньгу готовьте, племяши.

– Да хорош тебе, Лука Демьянович, – вздохнул Олег. – Сейчас пока ничего конкретного сказать нельзя. А уж потом мы тебя небось не забудем.

– Вот что, милые мои племяши, это «потом» неизвестно, когда будет. Но я ж не для себя деньги собираю, а для сына. Вот ему и должны будете. Сколько конкретно, я вам скажу, когда с мужиками рассчитаюсь. Ну а с Василием, братом моим единокровным, сами, значит, разговор о бабках иметь станете. Он ведь тоже не о себе волнуется, а своим сынам хочет кое-что оставить. Антон и Михаил приедут на днях. Вот, значит, им и будете оплачивать смерть Ваньки.

– Погодите, Лука Демьянович, – сказал Василий, – за что платить-то? Ну ладно, тому, кто грохнет Ваньку, премия положена. А остальным за что?

– Да шуткую я! – засмеялся Лука. – Неужто мы со своих племяшей брать что-то будем? Папаня ваш, брат наш, у всех в уважении был. Хотя и кончил плохо, но мы память его оберегаем. Вот в ментовку вы, конечно, зазря пошли. Хотя с вашими головами только там и работать. Но, как я понял, вы вот-вот уйдете из рядов славной нашей милиции. И чем же заняться решили?

– Пока не займем приличную сумму, чтоб можно было свое дело начать, – вздохнул Олег, – и речь об этом не идет. А оставаться на службе тоже не хочется. Сейчас все чаще ментов бить начинают. А дядя Савелий – все, спекся, сам, того и гляди, срок получит. Вот и приходится варианты прорабатывать, иначе и мы под внимание службы собственной безопасности попадем.

– А те тоже люди-человеки. Вона передали из Астрахани

– начальника этой самой службы перед столицей проверили, в машине у него и икры, и рыбы полнехонько. Вот так. Но сейчас мой вам совет – затаитесь. Ты вроде как слегка приболел? – Лука посмотрел на Василия.

– В отпуске я, вот и приехал помочь. А потом, если понадобится, больничный возьму. Но до весны так и так придется тут торчать.

– Может, все ж поделитесь, что вы задумали-то? – поинтересовался Лука.

– Потом обязательно, – обещал Олег.

– Ну ладно, потом так потом, – кивнул Лука. – Значит, надо посылать мужиков по следам Латыша и Рябова. Погода выравнивается полегоньку. Достанут их.

– И куда теперь? – спросил Латышев.

– До Серебрянки дойдем, – ответил Рябов, – в скалах осядем. Посмотрим, кто за нами увязался. Что-то мутит Лука Демьянович. Собирал своих отморозков – и Топора Федьку, и Шеста Миху, и таких же еще с пяток.

– Точно, мутит, – согласился Латыш. – Мне маманя говорила, спрашивал о тебе дядька Лука. И если это так, то он уже знает, что ушли мы. Под каким-нибудь предлогом пошлет к мамке кого-нибудь, и все. Нет меня – значит, ушел.

– Вот и сядем на скалах Серебрянки, – сказал Егор. – Снег валит, следов не видно уже через полчаса будет. А они туда выйдут.

– И что с ними делать будем?

– Глянем, кто за нами пойдет, от этого и танцевать будем.

– Если Топор, значит, кончать нас хотят.

– Не нас, им Ванька нужен. Боятся суки позорные! – Рябой усмехнулся. – Ванька наведет свои разборки. Мент наш, Олег Торov, с Гришкой Постанововым скорешился. Не знаю, чего у них общего, но точно Торovy с Гришкой связались, причем еще до того, как Ванька сбежал. А вот на кой Грихе понадобилась Натка, никак не пойму. – Остановившись у заиндевелой отвесной стены, он кивнул. – Вот и Серебрянка. Идем влево, там камни, следов не останется. С ледяной корки ветер все сметает. По камням в расщелину спустимся и там сядем. Тронулись!

– Твою мать! – выругался плотный мужик. – Для чего пошли? А если снова начнет буран гулять? Тогда уже хрен вылезем. Позже надо было идти.

– Если Латыш и Рябой ствол Ваньке отдадут, то все. Без ствола с ним еще можно справиться, а если винтарь будет, ты сам в курсе, как Ванька стреляет. Возьмем этих двоих и узнаем, куда они идут. Одного оставим как проводника и приманку для Денова, а второго кончим, – проговорил скуластый рослый мужчина.

– И ты думаешь, Топор, кто-то из них приведет тебя к Ивану? – насмешливо спросил первый. – Афанасий будет очень долго за сына убивать. А мы их сразу прикончим.

– Тише вы, – проворчал один из пяти идущих за ними, – а то Латыш стреляет, сучонок, метко. Снайпером он в Чечне был. Для него человеку в глаз попасть – раз плюнуть.

– Подумаешь, мы все уже не раз такое делали, – фыркнул Топор.

– Но он на настоящей войне был, запросто может на голос пальнуть.

– Да они чешут без оглядки, – усмехнулся Топор. – Неужели думают, что за ними идут?

Порыв ветра взметнул снег, и на какое-то время люди потеряли друг друга из виду.

– Хватайтесь за деревья! – крикнул кто-то.

– Точно, – кивнул Латыш, – идут. Неужели снова закрутило?

– Просто ветер налетел, – ответил Рябой. – Сколько их там?

– Сейчас увидим... – Латыш протер прицел на СВД. – Бить будем? – прижимая приклад к плечу, спросил он.

– Не стоит пока. Трупы найдут, сюда менты понаедут, и их на нас повесят. Не стоит. Они скорее всего на Ордынку пойдут, к пещерам. А нам в другую сторону. Конечно, если по пути будет, придется убирать. Ты не на войне убивал?

– Было раз... на Медведе. Я там заночевать решил. И забрели туда трое каких-то золотоискателей. В общем, пришлось убить одного. Второго ранил, третий сбежал. Не знаю,

что с раненым стало. Я ему оставил еды и ушел. Милиции не сообщал.

– Правильно сделал, посадили бы запросто. – Замолчав, Рябой пригнулся.

Латыш поднял винтовку. Пятеро на лыжах с оружием на изготовку прошли и свернули влево. Егор чуть привстал.

– Точно, на Ордынку пошли. Смотри, следов уже не видно. Хорошо, что ветер прекратился. Давай дальше пройдем и на лыжах спустимся.

– Темнеет, – посмотрел на небо Латыш.

– Заночуем внизу, там есть укрытие.

Медвежий Угол

– Ну что же, – сказал Лосин, – поиск начался. Снег еще прилично валит, но ветер стих. Группы ВВ уже начали осматривать район. Правда, надежды на удачу мало.

– Хоть бы похоронить ее суметь, – прошептал Войцевский. – А ее, наверное, замело. Господи, – он перекрестился, – я никогда не молился и не обращался к тебе, потому что не верил. Но прошу – отдай мне ее тело! Ее отпоют в церкви. Я сделаю все, что положено, но дай мне возможность похоронить ее.

– Погодь, Матрена, – сказал Пузырь, – ты думаешь, что городишь-то? Или...

– Что было, то и говорю, – не дала ему закончить полная

женщина лет сорока пяти.

– Вот что, ты все это Лосину расскажешь, он мент правильный.

– И где же ты нашел правильного мента? – усмехнулась она. – Ничего и никому говорить я не буду. Тебе сказала, потому что ты мужик свой и ста граммами на опохмелку делишься. А за базар я отвечаю! – Она провела большим пальцем по горлу.

– Вот это дела! Как сажа бела, обалдеть можно. Вот что, Матрена, я не стукач, но за информацию Лосин мне бабки дает. Если в натуре правда то, что ты базаришь, поделюсь поровну. Но что-то мне не верится... Я просто обязан Лосину сообщить.

– Здорово, Пузырь! – В комнатку вошел плотный мужчина. – Ментов море, на Денова охоту открыли. Погода скурвилась, и теперь они Ванюху начнут гонять по сопкам. Правда, он мужик не подарок и парочку запросто замочит. Вот до чего бабы доводят, – посмотрел он на Матрену. – Из-за вас мужики...

– Да если эта сучка в зону попадет, – перебила его Матрена, – ей за то, что сына бросила, сразу пресс устроят, так что ты не обобщай.

– Снег завтра перестанет идти, – сообщил вошедший мужик, – менты в тайгу розыскников бросили. А вертолет поднимут – хана Ванюхе. Снега столько насыпало, что даже если бурундук пройдет, траншея видна будет. А перестанет сы-

пать – все, за упокой можно Ванюхе...

– Не торопись, – остановил его Пузырь. – Может, Иван у кого-то спрятался. Пока крутило, точно шел.

– Но с ним, говорят, двое, – сказал мужик. – Баба и...

– Да уж завалил, наверное, – отмахнулся Пузырь. – Или свежатину с собой несет.

– Тьфу на тебя! – Матрена поморщилась. – Я слышала, что Иван этот вроде...

– Пока свою бабу не заколбасит, – проговорил Пузырь, – ничего с ним не случится. Он из-за этого в бега ушел.

– У тебя бухнуть есть? – спросил мужик.

– Найдется. Ты прими с Матреной, а я быстренько смотаюсь в одно место. – Пузырь, взглядом предупредив Матрену, чтоб молчала, вышел.

– Во блин, – удивленно посмотрел ему вслед мужик, – даже бухнуть не остался. Что же это за дела такие?

– Значит, очень надо. – Матрена достала бутылку водки.

– Ну, как говорится, – прапорщик ВВ подмигнул Лосину, – с Богом.

– Все сели? – спросил мужчина в летном шлеме.

– Все, – кивнул Лосин.

– Это у него дочь с людоедом? – кивнув на сидевшего рядом с Лосиным Войцевского, спросил мужчина в камуфляже без знаков различия, со снайперской винтовкой.

– У него. Даже не знаю, что с Деновым сделают, когда

возьмут. Представляешь, если найдем останки мужика и женщины? – Капитан покосился на Войцевского. – Лучше бы вообще не найти.

– По весне «подснежников» все равно находить будут, – высказался снайпер.

– Тоже верно, – кивнул прапорщик. – И если найдут бабу его, будут на опознание вызывать. Представляешь, что ему вынести придется?... Уж лучше бы сейчас найти.

Тайга

Двенадцать человек в белых маскхалатах с автоматами, прокладывая лыжню, шли по распадку. Первый вытянул руку и показал открытую ладонь – сигнал остановиться. Потом посмотрел на карту в целлофане и взглянул на часы.

– Дойдем, – кивнул он, – там и заночуем.

– Не могу я рисковать вами! – нервно воскликнул вертолетчик. – Видимость ноль, понимаешь? Я чудом не попал на провода. Это на земле видимость более-менее. А там, – он махнул рукой вверх, – ни хрена не видать. Так что извините, господа сыщики и поисковики, но полет отменяется. Если завтра пелена поменьше будет – поднимемся.

– Понятно, – кивнул вэвээшник. – Наш ни один не поднялся. А там все-таки полегче и видимость получше. Будем ждать до завтра.

Опустив голову, Войцевский пошел к воротам. Лосин что-

то сказал проводнику и двинулся за ним. Догнал Войцевского почти у выхода с вертолетной площадки.

– Знаете, майор, – сказал тот, – наверное, это даже к лучшему. Боюсь я, ужасно боюсь найти останки Ирины. Понимаете меня?

– Да, – кивнул Лосин.

– Не будет его пару суток. – Пузырев выпил. – Так что гульнуть имеем полное право.

– Кого нет? – подняв голову, пьяно спросил мужик.

– Да тебе-то какая разница? – отмахнулся Пузырев.

– Тоже верно, – кивнул тот. – Налей еще, – пробормотал он и рухнул на матрац.

– Слабак! – Пузырев посмотрел на сопящую на раскладушке Матрену. – Баба – она и есть баба.

Заимка

– Его нет уже два часа! – Ирина посмотрела на часы. – А если он больше не придет? Еда у меня есть. Если понемногу, дней на пять хватит. А потом?... Но он придет. Да, я боюсь его, очень боюсь. Сначала не поверила в то, что он сказал... Но как же так? – Она вскочила и заметалась по избушке. – Ведь одна я не выживу! А я должна вернуться, обязана! Меня ждет Машенька. Боже мой, – она закрыла ладонями лицо, – как она там? Только бы ничего не узнали мама и Маша. Господи, – Ирина села на топчан, – почему все так слу-

чилось?! Почему?! – закричала она и услышала скрип двери. Вскочила. Испуганно уставилась на клубы пара.

– Это я, – послышался голос Ивана. Ирина увидела две упавшие на пол птичьи тушки. – Куропатки. Здесь налево от входа есть пещерка. Пролезешь под камнем, там увидишь просвет. Ход есть, а около него три лунки, такие конусообразные ямки. Туда сыплешь ягодки или кусочки сухариков. Куропатка сунется туда и застрянет. Все, там она словно в холодильнике. Бери, вытаскивай и готовь.

– А зачем вы мне это говорите? – спросила Ирина. – Вы собираетесь уходить?

– Вот городское воспитание, – усмехнулся Иван. – Сначала на вы, потом на ты и снова на вы. Или ты, когда нервничаешь, начинаешь выкать?

– Ты не ответил.

– Нет, мы пойдем вместе. Я доставлю тебя до метеоточки. Мне плевать на то, что ты баба. Главное – ты мать, которая нужна дочери. Ей-то за что жизнь ломать? А ты не умоляла о помощи, не предлагала денег. В жизни ведь не все можно купить, я это не так давно понял. А про куропаток я тебе сказал только потому, что жизнь вообще штука ненадежная, а в наших условиях тем более. Ты обязана выжить из-за дочери. Жратвы тут осталось хрен да маленько, поэтому я и сказал о куропатках в ямках. За три-четыре дня в каждой лунке по одной точно будет. Мало ли что может произойти?... Выйду и не вернусь. Росомаха, волки, да неизвестно что случится.

А ты одна досидишь до помощи. Сюда скоро должны прийти. Если снег прекратится до их прихода, то мы пойдем к метеорологам. Если придут раньше, они доведут тебя до людей. Если за это время со мной что-то случится, расскажешь им, как дело было, и отдашь записку. Вот тут она будет, – он махнул рукой на висящую на стене куртку, – в кармане. И не забудь о куропатках в лунках. Если со мной что-то случится, на птицах ты продержишься. Воды полно, – кивнул он на окно. – Соль тоже есть. Хлеба кот наплакал, но без него протянешь.

– Пожалуйста, не ходи никуда, – попросила Ирина.

– Нужны дрова. К тому же надо выходить, снег утихает, запросто сюда может кто-то нарисоваться. Для тебя это хорошо, для меня – нет. Я выведу тебя тогда на розыскников и уйду. Если о заимке скажешь – хрен с ней. Не скажешь – спасибо.

– Послушай, – нерешительно спросила Ирина, – а Петра действительно волки задрали?...

– Волки. И больше не надо таких вопросов.

– А я хочу знать!

– Его задрали волки. Ты его не ела. – Иван вышел.

Ирина закрыла лицо руками. Через несколько минут Иван вернулся.

– Хочешь, я уйду? – спросил он.

– Я больше ни о чем не буду спрашивать, – тихо проговорила она.

– Надеюсь... – Он стал подкладывать в печку сучья.

Ирина заплакала. Иван посмотрел на нее и достал сигареты.

– Дай закурить, – попросила она.

– Закурить? Но у меня только «Прима».

– Давай, я курила иногда с подругами, но дома никогда, чтоб Машенька не видела. А сейчас что-то очень хочется сигарету, – кивнула она.

– Может, выпьешь водки? Тут две бутылки есть.

– Наливай! – усмехнулась Ирина.

Тайга

– Да мы охотники! – закричал Топор с поднятыми руками. – Мы из Выселок, решили куропаток пострелять да зайцев.

– На землю, я сказал! – Один из окруживших пятерых мужиков в маскировочной одежде ногой сбил его на снег. Остальные уже лежали, вытянув перед собой руки.

– Уже на поиск вышли, – проворчал Рябой. – Шустро же они добрались.

– Это скорее всего из зоны, – сказал Латыш. – Из «единички». До нее километров двенадцать. Видать, подключили солдатиков.

– «Единички» уж лет пять нет, – усмехнулся Егор, – убрали зону. Там за последние десять лет что-то вроде коло-

нии-поселения сделали, а потом и это дело прикрыли. Эти орелики из СОБРа. Но как они сюда попали?

– Да, – сообщил в переговорное устройство старший лейтенант, – это группа Лебедева. Мы были на учениях, буран нас там застал. Был получен приказ задерживать всех находящихся в этом районе. Мы взяли пятерых. Говорят, из Выселок, охотники. Правда, вооружены отлично – пистолеты, лимонка, у двоих оптические прицелы на винтовках. Винтовки, а не охотничьи карабины. Что с ними делать?

– Значит, вполне могут и нас засечь, а это нежелательно. Так, – решил Рябой, – отсидимся сутки, а там видно будет. Но молодцы белые, ловко они парней Топора хапнули. Вот тебе и великие охотники Топор и Шест. А попадаться ментам им не в жилу, Топор уже год в розыске, а Шест около двух. Их дядька Торových прикрывает.

– Дядька Лука? – удивился Александр.

– Нет, прокурор, который в Якутске.

– Погоди, а ты что, не слышал? Ведь взяли его за горло, попался с чем-то...

– В натуре? Во блин, а я и не знал. Повели их, – Егор взглянул в распадок, – в Выселки, наверное, тронулись. Если запрос сделают, хана Топору и Шесту.

– Да и Сутулому тоже, на нем два трупа. Его ищут уже месяца четыре. Олег Торov его предупредал, когда в Выселки

менты приезжали.

– Сейчас могут и Торových за горло прихватить. Откуда же тут эти орелики появились?

– Может, те, кто на учениях был? Помнишь, месяц назад тут учения были? Ну, то есть там... – Латыш махнул рукой влево. – Якутские менты.

– Помню. Наверное, эти и есть. Что нам делать? Идти или выждать?

– Пошли. Возьмут если, так мы не при делах. Отпустят.

– А Афанасий это как воспримет? Не думаю, что доволен будет. Лучше переждать.

– А если Топор им про нас скажет?

– Думаешь, поверят? Да и не скажет он, тогда придется говорить, откуда он это знает. Сейчас он будет на Торových надеяться. И наверняка он припугнет: если не отмажете нас – сдадим.

– Так и будет. Ну что, идем?

– Пошли.

– Слышь, командир, – простонал Топор, – хоть наручники сними. А то на морозе...

– Не узнал меня, Топор? – подошел к нему рослый мужчина со шрамом на лбу. – Может, это помнишь? – Он дотронулся до шрама. – Твоя отметина.

– Суров? Вот это встреча! Не добил я тебя тогда, а надо было...

– Не лъсти себе, – усмехнулся прапорщик. – Ты еле ноги унес. Если бы не твои приятели, которых ты подставил, хрен бы ты ушел тогда.

– Знакомый, что ли, прапорщик? – подошел старший лейтенант.

– Так точно. Помните, брали Кривого? Вот этот там был, Топор, мне отметину оставил. Мы с ним в дверях сторожки столкнулись. Взял бы я его, но трое его кентов вмешались. Одного пристрелили, двоих солдаты взяли, а этот ушел. В розыске он, товарищ командир.

– И не он один, мне кажется. В Выселках связь наладим и узнаем, кто есть кто. Но расслабляться рано, – громко проговорил командир, – запросто может и Денов тут объявиться, который не чета этим... – Он кивнул на задержанных.

– Поморозишь ты нам руки, начальник, – простонал кто-то. – А какие же права человека?...

– Вот что, гниды, – разъярился прапорщик, – еще раз кто-то пискнет – положим здесь, и все дела, никто ничего не узнает! Я понятно выразился?

Якутск

– И долго мы тут сидеть будем? – раздраженно спросил командир группы спецназа. – Уже двое суток, как туристы без путевок.

– От силы еще сутки, – отозвался полковник милиции. – Синоптики говорят, завтра видимость наладится.

– Уже трое суток это слышу, – проворчал командир спецназа.

– Хватит, Журин, – остановил его мужчина в медвежьем полушубке. – Сколько нужно, столько и будете сидеть. Денов не подарок, да и помощники его зашевелились. Так что малейший просвет в погоде – и вперед. Закроешь Выселки намертво. Поиском его занимаются вэвээшники и СОБР. Твоя задача не дать ему пройти в Выселки. Откровенно говоря, будь моя воля, дал бы я ему добраться до горла этой стервозы, она ведь больного ребенка бросила... А уж потом брал бы его. В общем, ты понял, что делать. Вся надежда на вас. Только бы он оружие не заполучил, а то начнем жертвы считать. Этого очень не хотелось бы.

– Да успокойтесь, товарищ полковник, – сказал Журин, – не так страшен черт, как его малюют.

– Вот-вот, – усмехнулся полковник, – так и про ваххабитов в Чечне говорили. А чем там кончилось, помнишь, наверное?

– Я про Буденновск помню. Не выпустили бы тогда Басаева, и кончили бы всех еще там.

– Давай не будем ворошить прошлое. Сейчас у нас свой Басаев – Денов. С ним были двое. Наверняка теперь баба одна осталась. Он, наверное, уже слопал конечности мужика и ее поддерживает тем же. Он наверняка пройдет к Выселкам, так что вся надежда на тебя. Если будет возможность, возьми этого людоеда живым. Не убивайте его там. Конечно, ес-

ли серьезно огрызаться начнет, то...

– Посмотрим, как будет, но попробуем справиться...

– Особо тоже не старайся. Денов убийца, вырос в тайге. Стреляет, как снайпер, быстро и метко. Нож кидает и приемы рукопашного боя знает, это заслуга одного бывшего морпеха, мать его. Для армии готовил, а получился бандит. Так что поосторожнее, Журин. У тебя в группе только двое на операциях были и ты повоевал немного. Осторожнее, ясно?

Тикси

– Да все получилось как надо, – сообщил по телефону Гатов. – Жива она осталась. Но ее попутчик людоед, – усмехнулся он. – Надеюсь, не подавился он Ирккой, она ведь баба в теле. И везучая. Вертолет вдребезги, а она ушла. Но тем хуже для нее. Правда, тут меня менты за задницу взяли. Как я понял, Андрей Васильевич воду мутит. Но все нормально будет, скоро приеду.

– Всем внимание и еще раз внимание! – наставительно проговорил подполковник милиции. – Никто не знает, что у Денова в голове. Может, он в нашу сторону идет. Так что работаем по режимному варианту. Усилить все посты, обратиться к населению и показать фотографии Денова.

– И сразу начнут звонить, – усмехнулся капитан милиции. – То там есть похожий, то там этот бандит. И потерпевшие появятся. Именно этот ограбил кого-то. Неужели

не помните, как было, когда залетного гастролера, который сберкассу взял, искали?

– Действительно, – согласился помощник прокурора. – Говорят, Денов находится намного южнее. Так что не стоит устраивать шоу с объявлением его розыска у нас.

– Как знаете, – недовольно поморщился подполковник. – Но если...

– Перестаньте, Никита Павлович, – остановил его помощник прокурора.

Медвежий Угол

– Это точно? – спросил по телефону Лосин.

– По крайней мере прогноз таков, – ответила женщина.

– Да вы, Раиса Антоновна, уже столько раз утверждали, что буран вот-вот закончится...

– Увы, уважаемый Александр Иванович, погода, как и красивая женщина, непредсказуема, к сожалению.

– Но надежда, что вы все-таки дадите точный прогноз, есть?

– Завтра будет тихо. А вот о последующем ничего утешительного сказать не могу – идет арктический циклон...

– Спасибо... – Майор положил трубку и выругался.

– Снова не вылетаем? – посмотрел на него Войцевский.

– Завтра полетим. Но вполне вероятно, что там нас застанет новая волна бурана, Арктика рядом. Надо договариваться с Глубовым, с вертолетчиком.

– Скажите, Александр, – спросил Войцевский, – очень трудно найти тело в заснеженной местности?

– Почти невозможно. Потому в этих краях и говорят о «подснежниках» – так называют найденные после долгой зимы трупы. В основном их так и хоронят безымянными. Конечно, если есть заявление о пропаже, то вызывают тех, кто это заявление писал, для опознания. Но такое бывает редко. Обычно просто хоронят. А вас вызовут, конечно, если мы не найдем...

– Ради Бога, перестаньте. До весны я не доживу, не могу представить, как я буду говорить с дочерью Ирины и с женой, ее матерью. Это невероятно!..

– Рано вы ее похоронили. Вполне может быть, что ваша дочь жива.

– Столько дней без пищи на морозе... Или вы думаете, что людоед согревает ее и кормит тем, что осталось от Сопова? Уж лучше пусть она умрет, иначе как потом ей с этим жить? Но что говорить дочери? Господи, что я несу? Если она жива, как я буду спрашивать об этом?... Я, наверное, очень боялся бы, зная, что Иринка находится рядом с бандитом, с убийцей. Но она с людоедом. Я даже представить не мог, что в наше время, в нашей стране... – Не договорив, Войцевский тяжело вздохнул.

Майор молчал.

– А почему таких не расстреливают сразу? – спросил Андрей Васильевич.

– Понимаете, о том, что Деновы, отец и сын, чтобы выжить на льдине, съели человека, говорят все, но слова есть слова. Сами они это отрицают. Отец Ивана выжил благодаря тому, что питался бежавшим с ним из лагеря зэком. Но это опять только слова. Хотя, повторяю, в этом убеждены все. Да и Афанасий, отец Денова, не скрывает этого. Но к делу это не пришьешь. Деновы из староверов. Не знаю, насколько они верят в Бога, но старший Денов имеет авторитет не только в своем поселке, но и в районе в целом. Его боятся. Но ведь прямых улик против него нет. В открытую он закон не нарушает. Поймать его на чем-то не удастся.

– У вас выпить есть? – неожиданно спросил Войцевский.

– Найдем, – кивнул майор. – Водку будете?

Выселки

– Ты чего колотишь? – зло спросил открывший дверь Василий Торov. – Время-то позднее...

– Беда, Василий Андреевич, – заговорил невысокий худой мужчина. – Топора с мужиками в наручниках на оленьих упряжках менты привезли. Скованных. Какой-то старший лейтенант Лебедев. Их всего девять человек. Топора с остальными на Серебрянке взяли. Сейчас в старой бане они сидят в наручниках. Меня приводили туда печь растопить. Топор и шепнул: передай...

– Вот это хрен! – Василий бросился в комнату. – Олег! Топора взяли! И остальных тоже. Лебедев их хапнул. Топор

говорит...

– Откуда узнал? – спросил, вскакивая с кровати, Олег.

– Да вон, – Василий махнул рукой на дверь, – Фома Печник сказал. Их в старой бане закрыли. Оттуда не уйти. Фому печь затопить позвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.